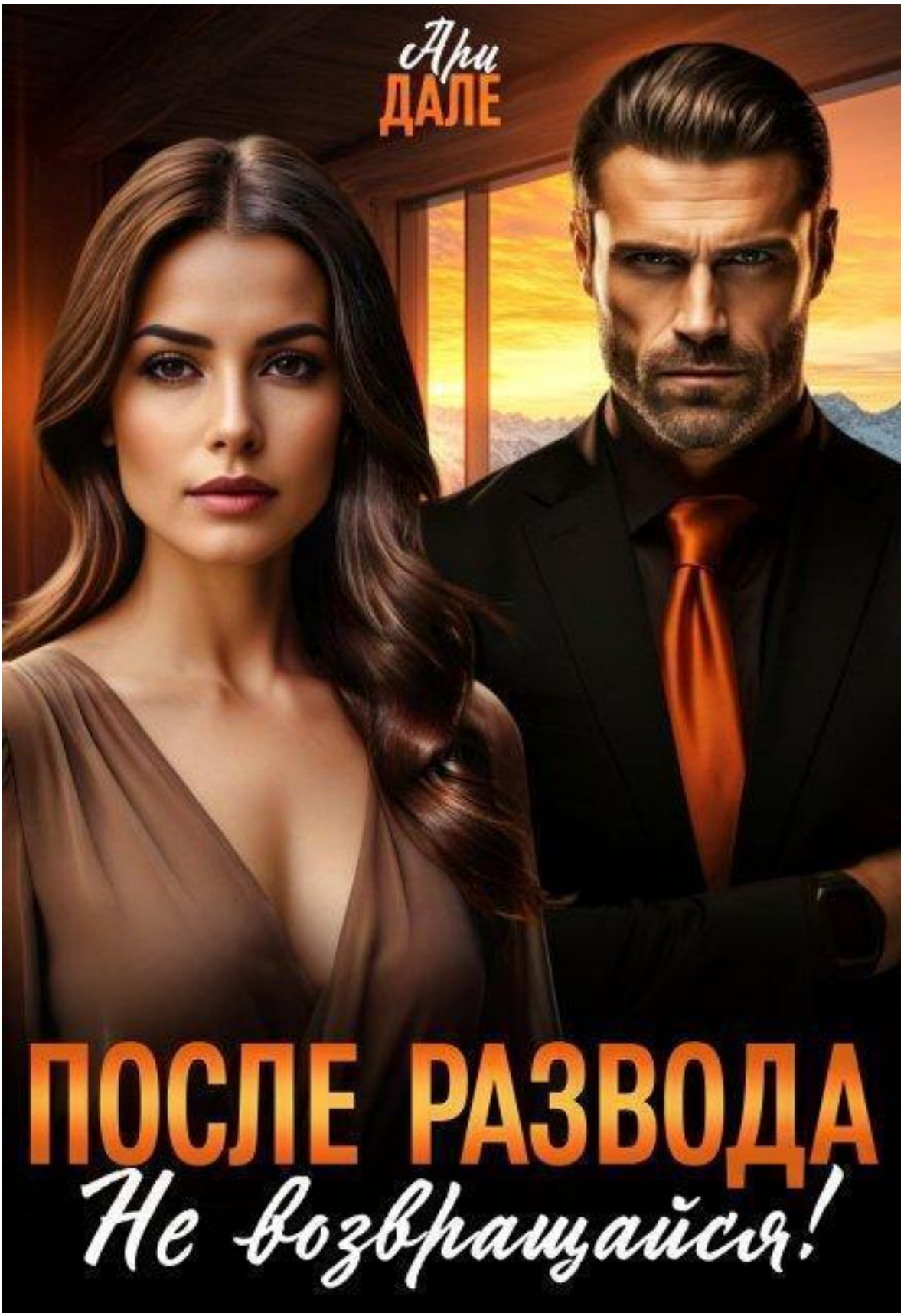

Ари
ДАЛЕ
ПОСЛЕ РАЗВОДА
Не возвращайся!

Ари Дале

После развода. Не возвращайся!

«Литнет»
2025

Дале А.

После развода. Не возвращайся! / А. Дале — «Литнет», 2025

— Думала после развода моя жизнь полетит к чертям? — спрашивает Максим, складывая руки на груди. — Я вообще о тебе не думала, — вру несчастно. — Ну… это даже хорошо, — хмыкает бывший муж и делает шаг вперед. — Слушай, мы, конечно, не очень хорошо расстались. Но сколько уже времени прошло, как смотришь на то, чтобы попробовать наладить отношения? — Может, ты меня еще и на свою свадьбу пригласишь? — стреляю в воздух, а попадаю в цель. — Ой, Максим ты уже сказал своей бывшей жене о предстоящем торжестве? — заявляет подоспевшая к нам любовница мужа. — Вообще, я не против ее присутствия на нашей свадьбе. Но у меня есть предложение получше. Как насчет того, чтобы сделать твою бывшую крестной нашего ребенка? — кладет руку на свой огромный живот.**!**#Внимание: Ругать героев можно. Автора нельзя)))НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И ПОСТАВИТЬ "МНЕ НРАВИТСЯ"❤#

© Дале А., 2025
© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Визуализация 9
Глава 3 14
Глава 4 16
Глава 5 18
Глава 6 20
Глава 7 22
Глава 8 24
Визуализация: подруга и малышка 28
Глава 9 31
Глава 10 33
Глава 11 35
Глава 12 37
Глава 13 39
Глава 14 41
Глава 15 43
Глава 16 45
Глава 17 47
Глава 18 49
Глава 19 51
Глава 20 53
Глава 21 55
Глава 22 57
Глава 23 60
Глава 24 63
Глава 25 65
Глава 26 68
Глава 27 70
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Глава 1

Первую часть истории
РАЗВОД. НЕ ВОЗВРАЩАЙ МЕНЯ
вы можете прочитать по ссылке https://litnet.com/shrt/g2hE
***

— Твой муж не объявлялся? — вдруг спрашивает Настя, пока мы переходим от одной картины к другой.

Наступаю на подол длинного черного платья с открытыми плечами, которое притащила для меня подруга, заявив, что сегодня мы идем на выставку молодых художников и возражения не принимаются. Спотыкаюсь. Едва не лечу носом в пол, но в последний момент удается сделать широкий шаг, который помогает мне поймать равновесие.

Вот только мне от этого легче не становится.

Адреналин, который впрыснулся в кровь, разгоняет сердцебиение до невероятной скорости. Не дает нормально ни дышать, ни соображать.

Мне требуется несколько долгих секунд, чтобы понять, где я вообще нахожусь и о чем речь. А как только осознание приходит ко мне, резко кручусь на каблуках и впериваю в подругу недовольный взгляд.

— Бывший… — голос срывается, и я делаю глоток шампанского, чтобы смочить пересохшее горло. — Бывший муж. Ты сама помогла мне сделать его таковым, — напоминаю подруге.

— Ой да ладно, — отмахивается Настя, выглядя при этом слишком невинно, словно ничего такого не сказала. Ее широко распахнутые глаза совсем не подходят образу роковой женщины, который подруга специально создала для этого вечера с помощью кожаных брюк, которые плотно облепили ее бедра, не оставив места для воображения, и бордовой блузки. Волосы Настя собрала в высокий хвост, на глазах нарисовала кошачьи стрелки, а губы подвела красной помадой. — Вы навсегда останетесь связаны прошлым. Бывший муж — все-таки муж, хочешь ты того или нет, — пожимает плечами подруга, делая большой глоток шампанского, прежде чем с прищуром посмотреть на меня. — Меня больше интересует не пробовал ли Максим вашу связь восстановить?

Настя еще пару секунд рассматривает меня, после чего обращает взор на картину, у которой мы остановились. Бросаю быстрый взгляд на произведения искусства, отмечая тонкие изящные линии и мелкие детали на пейзаже, который олицетворяет пустыню во время бури во всей ее красе.

Нужно будет узнать, кто автор картины и посмотреть другие его работы — на такую детализацию далеко не все способны. Но это позже. Сейчас бы разобраться зачем подруга вообще завела разговор про Макисима.

Настя же знает, что мы не общались с момента развода… если, конечно, не считать момента, когда бывший муж появился на моем пороге спустя пару месяцев. Пьяный вдрызг. Максим хотел что-то обсудить. Буквально умолял меня открыть дверь. Грозился, что никуда не уйдет, пока я не соизволю с ним пообщаться “как взрослая”.

Пришлось даже Леше позвонить, чтобы он забрал своего друга. а пока первый ехал с одного конца Москвы на другой, Максим действительно сидел напротив моей двери и смотрел в глазок, словно знал, что я наблюдаю за ним.

Не знаю, как моя воля не дрогнула — все-таки мы с этим человеком были вместе много лет. Пару раз даже пришлось напоминать себе, что Максим сам променял меня на другую. Особенно, в те моменты, когда я ловила себя на том, что тянусь к дверному замку.

Как бы сложно мне не было в тот день, но я выстояла. Не открыла дверь, когда появился Леша и стал уводить Максима. Или лучше сказать тащить на себе, чуть ли не заволакивая в

лифт? Муж, уже на тот момент бывший, до последнего смотрел на мою дверь. Надеялся, что я сжалюсь и появлюсь? Вот только моя воля не дрогнула, даже, когда створки лифта начали закрываться, отрезая меня навсегда от Максима.

А через несколько дней я узнала, что муж укатил в Париж… вместе с Ангелиной.

И это окончательно заверило меня в том, что той злополучной ночью я поступила правильно.

Настя знала, как мне было тяжело устоять в день появления Максима на моем пороге, да и видела, в каком я состоянии находилась после возвращения с горнолыжного курорта — мне буквально сорвало крышу, я ревела несколько дней неверестовая, — но все равно сейчас бередит мои раны.

— Насть, три года прошло после нашего с Максимом развода. У нас обоих уже давно другая жизнь. Зачем ты сейчас завела о нем разговор? — смотрю на профиль подруги, не понимая, что у Насти на уме.

Подруга никогда не делает ничего просто так. Никогда! И это пугает до чертиков. Желудок сжимается в болезненном спазме. Меня начинает мутить. Сразу же жалею, что ничего не ела с самого утра, а потом еще и немного шампанского выпила на голодный желудок. Поэтому неудивительно, что оно просится обратно.

Настя отрывается от созерцания квартиры и смотрит на меня нечитаемым взглядом.

— Ты не знаешь, да? — чуть склоняет голову набок.

Сердце пропускает удар, ведь тон подруги не предполагает ничего хорошего.

— Чего именно я не знаю? — кое-как выдавливаю из себя слова через резко сдавившееся горло.

— Максим вернулся в Москву, — огорошивает меня Настя. Но этого ей оказывается мало. Она похоже решила меня добить окончательно, ведь заявляет: — И он сейчас здесь, — она смотрит поверх моего плеча.

Глава 2

«Только не оглядывайся. Только не оглядывайся», — пытаюсь убедить себя же, в то время, как тело живет своей жизнью.

Я не просто бросаю взгляд через плечо, а вовсе разворачиваюсь. Скольжу взглядом по просторному светлому помещению галереи. Вглядываюсь в лица всех людей, которые попадаются на моем пути. Прерываю свое занятие, лишь когда натыкаюсь на очередную колонну. И останавливаюсь, заметив среди множества людей… его.

Мы с Максимом не виделись больше двух лет. Но он ни капли не изменился. У него все те же темно-русые волосы, которые бывший муж до сих пор зачесывает назад, хотя… кажется они отросли — если не ошибаюсь, то вижу хвост сзади. Те же заостренные жесткие черты лица. Даже щетина такая же как я помню. Глаз не вижу, ведь стою слишком далеко, но думаю, они тоже не изменились. Да блин, Максим даже хмурится так же, разговаривая с каким-то мужчиной.

Единственное, что изменилось — это плечи бывшего мужа. Если не ошибаюсь, они стали шире. Или мне это только кажется? Все-таки прошло немало времени с тех пор, как я видела Максима в последний раз и то через дверной глазок.

Знакомая ноющая боль вновь рождается в груди. Становится тяжело дышать, почти невозможно соображать. Все, что мне удается делать — это стоять на месте и смотреть на Максима, который, явно, не представляет, что я наблюдаю за ним.

— Ты знала, что он будет здесь? — бормочу себе под нос.

Но подруга слышит, ведь в следующий момент тихо выдыхает:

— Да.

Слезы вмиг подбираются к глазам. Взор туманится, но взгляда от Максима я все равно не отвожу. Он выглядит хорошо. Действительно хорошо.

Не знаю на что я надеялась, когда представляла, что бывший муж сгниет в подворотне? Или на худой конец будет несчастен после того, как заставил меня пройти через самый настоящий ад?

Но нет, все у Максима хорошо. Он даже смеется над чем-то сказанным его собеседником.

Откуда Настя могла узнать, что Максим здесь появится? Об этом вполне можно было бы спросить у нее, но я задаю совершенно другой вопрос:

— Зачем?

Зачем ты привела меня сюда?

Зачем показала мне Максима? Ведь мы могли в ближайшее время, а, может быть, и никогда, с ним не встретиться — Москва-то большая?

Зачем решила окончательно разбередить мои раны?

Все эти вопросы вкладываю в простое «Зачем?».

— Хотела, чтобы ты кое-что увидела своими глазами, — подруга подходит ближе, одну ладонь кладет мне на спину, а другой — указывает куда-то в сторону.

Прослеживаю взглядом в указанном направлении и едва не задыхаюсь.

Мышцы слабеют, ноги перестают меня держать. Стою только благодаря тому, что Настя прижимает меня к своему боку, позволяя мне опереться на себя.

Я же не могу отвести пристального взгляда от Ангелины, которая с широченной улыбкой на лице направляется прямо к Максиму.

Нет, я, конечно, предполагала, что где-то поблизости может крутиться любовница моего бывшего мужа. Вот только совсем не ожидала, что под ее широким белоснежным платьем, которое на несколько тонов светлее, чем волосы девушки, будет скрываться огромный живот.

Что-то внутри меня обрывается.

Слезы брызгают из глаз. Боль, которую я затолкала в самый дальний угол своей души, возрождается с новой силой. Машинально кладу руку на свой живот, а в голове крутится всего одна фраза, которая разбила мне сердце и разорвала душу в клочья:

«Мне жаль, но ваш ребенок не сможет прожить и дня».

Визуализация

В прошлой истории “Развод. Не возвращай меня” мы уже познакомились поближе с тремя героями. Давайте вспомним их:

Власов Максим Георгивич, 43 года

Власова Виолетта “Летта” Викторовна, 35 лет

Олейник Ангелина Павловна, 41 год

Но в конце у нас появился еще один — друг Максима и Ангелины, давайте познакомимся с ним поближе:

Новиков Алексей Николаевич , 43 года

Алексей с Максимом познакомились в экономическом университете и сразу же сдружились. Позже в тот же университет поступила и Ангелина. Так они и стали общаться втроем. В то время, пока Максим пытался строить отношения с Ангелиной, Леша отошел в сторону и просто оставался другом им обоим.

Сейчас же мужчина успешный экономист, который помогает Максиму вести его бизнес. А также у него своя компания, где предоставляют услуги по бухгалтерскому и экономическому учету.

В прошлой истории Леша сыграл чуть ли не роковую роль. Какую же роль он сыграет сейчас? Давайте узнаем.

***

Девочки, хотите прочитать еще одну проду?

Давайте наберем 250 звездочек(мне нравится) на книге, и я выложу ее. Она готовенькая, горяченькая только вас и ждет. А звездочки помогут моей книге продвинуться. Я буду очень благодарна, если вы их поставите.

Инструкция, как это сделать ниже:

Глава 3

Меня окунает в воспоминания. Погружаюсь в них с головой, хотя всеми силами старалась их избегать.

Словно наяву вижу своего малыша, которого положили мне на руки после того, как я его со слезами на глазах родила. Чувствую тепло тельца своего сыночка. Стараюсь всеми силами запомнить все до одной черточки его маленького личика. Понимаю, что мне вот-вот придется его отпустить. Но не могу. Не могу…

Плачу. Плачу. Плачу…

Совсем скоро от него у меня ничего не останется. Совсем скоро у меня заберут самое главное, что есть в моей жизни. И я не смогу ничего с этим сделать. Ничего… не смогу…

Бессилие — это самое страшное, что может произойти в жизни человека. Не считая того, когда ты видишь и ощущаешь последний вдох своего ребенка.

Перед глазами до сих пор стоит страшная картина того, как грудная клетка моего малыша приподнимается, а потом опускается. И все.

Вместе с моим ребенком, которого я выносила все девять месяцев… которого ждала всеми силами… который был частью меня… в тот день погибла и я сама.

Мой мир разделился на «до» и «после». Я изменилась и больше не стала прежней. Вместе с ребенком ушла моя беззаботность… моя жажда жизни… моя вера в то, что мир справедлив.

Но похоже, судьбе посланного мне испытания оказалось мало. Она в тот же день послала мне еще одно. А потом, когда я, казалось бы, кое-как выбралась из ада, в котором находилась, снова ударила меня по голове. Да так, что я едва оправилась.

И вот опять…

Находясь на грани между прошлым и реальностью, глядя на счастливую беременную Ангелину, которая подлетает к моему бывшему мужу, обнимает его со спины и что-то шепчет на ухо, чувствую, как у меня выбивают почву из-под ног.

Дыхание спирает в груди. Колени подгибаются.

Настя переносит весь мой вес на себя, и это оказывается как никогда кстати. Потому что Максим как раз поворачивается к Ангелине, но замирает при виде меня. Наши взгляды пересекаются, а у меня внутри все обрывается. Не знаю, что бывшему мужу удается рассмотреть на моем лице, но, похоже, все. Ведь Максим тут же поджимает губы и смотрит на меня своим фирменным хмурым взглядом.

Такое чувство, что бывший муж мне прямо в душу заглядывает. Ту самую душу, которая сейчас разорвалась на клочья, в очередной раз. У меня все внутри кровоточит. Каждая зажившая рана снова открывается. Все внутри меня воспаляется, горит, режет.

Агония становится только острее, когда Максим снимает с себя руки своей любовницы и делает шаг ко мне. А потом еще один и еще.

Растерянная Ангелина смотрит в том направлении, куда двигается ее… Кто ей сейчас Максим? Отец ребенка? Любовник? Или все-таки муж?

Да, какая разница?

В какой бы ипостаси сейчас ни был Максим, последнее, чего я хочу — встречаться с ним. Не говоря уже о том, чтобы разговаривать. Тем более Ангелина тоже замечает меня и… недовольно кривится.

Нужно уходить! Причем срочно! Ведь до нашей встречи с Максимом осталось всего ничего… всего ничего.

Набираю полные легкие воздуха, кое-как нахожу в себе остатки сил и отталкиваюсь от подруги, которая конкретно меня подставила.

— Я должна идти, — заявляю, высвобождаясь из рук Насти.

Бросаю еще один взгляд на Максима, которому осталось сделать всего несколько шагов, чтобы приблизиться ко мне и срываюсь с места.

— Летт… — прилетает мне в спину голос Насти.

Но я от него тут же отмахиваюсь.

Все, о чем сейчас думаю — я должна уйти. Должна уйти…

Мчусь к выходу, не видя куда иду.

По пути чуть не врезаюсь в колонну, сбиваю с ног несколько человек. Бормочу извинения. Но официанту, уронившему поднос, судя по звону разбитого стекла, это не помогает. Вот только я не могу остановиться, чтобы помочь бедному парню разобраться с устроенными мною неприятностями. Не тогда, когда почти достигаю выхода.

Классическая музыка заглушает почти все звуки. Не только голоса, но и шум шагов. А я не могу позволить себе оглянуться, чтобы проверить, идет ли за мной Максим или нет. Интуиция кричит, что нужно ускоряться, и я к ней прислушиваюсь. Во мгновение ока вылетаю в длинный коридор с множеством дверей и сворачиваю в сторону лифта. Вот только даже половину пути пройти не успеваю, как меня достигает знакомый с хрипотцой голос:

— Летта, подожди!

Спотыкаюсь, но не останавливаюсь. Снова восстановливаю прежний темп и чуть ли не бегу к лифту. Жаль, добраться до него у меня не получается. Мешает и неудобное платье, на подол которого я постоянно наступаю, и непривычные каблуки. А потом и Максим меня настигает.

— Постой же, — хватает за локоть и разворачивает к себе. — Ты чего? — заглядывает мне в глаза. — Неужели, не рада меня видеть? Или может быть, решила, что наш развод — это повод, чтобы даже не здороваться с мужем, которого больше трех лет не видела?

Глава 4

— Ты мне больше не муж! — вырывается из меня еще до того, как я успеваю хоть о чем-то подумать. Но, видимо, мой мозг работает в верном направлении, ведь если бы я хоть что-то соображала в этот момент, то сказала бы то же самое.

Вот только мой выпад совсем не трогает Максима. Даже наоборот — раззадоривает, ведь в глазах бывшего мужа вспыхивает хорошо знакомый огонек азарта, а уголки его губ приподнимаются.

Сердце екает, ведь именно в такого мужчину я когда-то влюбилась. В настойчивого, умеющего отстаивать свои интересы, не знающего слова «нет», идущего к цели до конца, несмотря на все препятствия, которые могли бы встретиться на его пути.

Именно этот мужчина когда-то смог вытащить меня из раковины, в которой я находилась, заставил поверить в то, что его можно полюбить и довериться ему. А потом он же меня… предал.

Ярость, которую я не испытывала очень давно, вспыхивает глубоко внутри меня. Кровь начинает бурлить в венах. Разум застилает красная пелена.

— Пусти, — цежу сквозь стиснутые зубы, пытаясь вырвать локоть из цепких пальцев Максима. — Ты оглох за последние три года? Или русский забыл? — вздергиваю бровь, не прерывая зрительного контакта с бывшим мужем. — Я вроде бы прямо сказала: отпусти меня, — чеканю последние два слова, дергая руку на себя.

Максим вместо того, чтобы внять моей просьбе, усиливает хватку. Боль горячей волной распространяется по руке, достигает кончиков пальцев, отталкивается от них и снова начинает подниматься к плечу.

Вот только доползти до новой цели у нее не получается, не проходит много времени, прежде чем мой дорогой бывший мужик «сжаливается» и расслабляет пальцы, а потом и вовсе отпускает мою руку.

Сразу же делаю шаг назад. Обхватываю локоть, тру его в попытке унять жар. Глаз от Максима не отвожу. Вдруг он снова кинется на меня?

— Так что? Не рада меня видеть, да? — спрашивает бывший муж, засовывая руки в карманы брюк и склоняя голову к плечу.

— Нет, не рада, — говорю со всей искренностью, на которую только способна.

Ярость постепенно начинает утихать, что мне не очень-то нравится, ведь разум возвращается и оценивает обстановку. Понимаю, что лучше сбежать, просто развернуться и уйти, но что-то подсказывает мне, что Максим меня с легкостью перехватит. Нужно раз и навсегда объяснить бывшему мужу, чтобы он ко мне не приближался. Неважно, что мы крутимся в одних кругах. У Максима нет никакого права находиться рядом со мной — мы теперь никто друг другу. Тем более, у него есть та, кому он может «подарить» свое внимание.

— И почему я не удивлен? — бывший муж ухмыляется. — А я вот… — окидывает меня оценивающим взглядом, да таким проникновенным, что меня в дрожь бросает, а кровь приливает к щекам, — … очень рад, — звучит как-то слишком хрипло. — Хорошо выглядишь, — переходит на шепот, возвращаясь к моим глазам.

Жар вспыхивает в груди, распространяется по телу. Не понимаю, что чувствую в этот момент, и если честно, не хочу понимать.

Просто окидываю оценивающим взглядом бывшего мужа в ответ и бездумно выдаю:

— Ты тоже, — кривлюсь.

Гортанный смех заполняет пустое пространство коридора.

Максим даже закидывает голову назад, продолжая веселиться и вгоняя меня в еще большую краску.

Хорошо хоть, это издевательство длится недолго — проходит всего пара секунд, как бывший муж снова обращает взор на меня.

— Думала, что после нашего развода моя жизнь полетит к чертям? А я без тебя загнусь, да? — спрашивает Максим, продолжая посмеиваться.

— Я вообще о тебе не думала, — вру несчастно, оглядываясь через плечо.

Единственное, чего мне сейчас хочется — как можно дальше убраться от бывшего мужа и никогда больше не видеть ни его, ни его любовницы, которая как нельзя кстати появляется в коридоре.

— Ну… это даже хорошо, — Максим делает шаг вперед, сокращая свободное пространство, которое мне удалось отвоевать. — Слушай, мы, конечно, не очень хорошо расстались. Но может, попробуем наладить отношения? Все-таки не чужие друг другу люди…

Мои глаза широко распахиваются, когда до меня доходит смысл предложения Максима. Ничего более абсурдного я не слышала.

— Может, ты меня еще и на свою свадьбу пригласишь? — отступаю и указываю подбородком на стремительно приближающуюся к нам Ангелину, которая недовольно стреляет в меня глазами.

— Ой, Максим ты уже сказал своей бывшей жене о предстоящем торжестве? — слишком слащаво спрашивает она, останавливаясь рядом с Максимом и беря его за руку, при этом поворачивает свою так, чтобы я видела кольцо с огромным бриллиантом, который сияет на ее пальце. Но меня он совсем не привлекает. Все, что я могу видеть — большой... просто огромный живот Ангелины. У меня был почти такой же на последних месяцах. — Вообще, я не против, чтобы Летта пришла. Нужно же забывать прежние обиды, правда? Тем более у нас вот-вот наступит новый этап в жизни, — коварство буквально светится в ее глазах. — Но у меня есть предложение получше. Как насчет стать крестной нашему ребенку? Ты же вроде бы так и не смогла подарить Максиму наследника. Раз тебе не удалось стать мамой. Давай я помогу тебе выполнить твою главную женскую миссию.

Глава 5

Своими словами Ангелина бьет меня наотмашь. Что-то внутри обрывается. Странно, что я еще пополам не сгибаюсь, когда стена, которую я считала невероятно прочной, ведь выстраивала ее специально, чтобы она смогла уберечь мое сердце от разного рода уколов и кинжалов, брошенных в меня, лишь бы задеть побольнее, рушится на глазах.

Столько лет подавляемая агония разливается по телу, вмиг заполняет каждую его клеточку. Дышать становится почти нереально, как и говорить, но слова буквально рвутся из меня:

— Я стала мамой, — мой голос хоть и звучит тихо, но, не сомневаюсь, всем присутствующим слышна боль, которую я сейчас испытываю.

Взор размывается, поэтому я не вижу лица Максима и эмоций, которые, возможно, на нем промелькнули. Зато слух остается стопроцентным, поэтому я отлично улавливаю язвительность в следующих словах Ангелины:

— Ой, один день не считается, — фыркает девушка.

Старается меня задеть, да посильнее. Надо сказать — у нее получается.

Тот факт, что все вокруг знали, что у нас с Максимом должен был родиться долгожданный малыш причиняет еще больше боли. Видеть все эти сочувствующие взгляды, слышать слова поддержки, которые ничего не значили, понимать, что в один день от меня ушло сразу два важных человека — невыносимо. Я не помню, что чувствовала в тот момент. Меня окутала непроглядная тьма, через которую невозможно хоть что-то увидеть. Именно она не позволяла достучаться до меня. Ни у кого не получилось пробиться через стену отчаяния, которая выросла вокруг моего разума. Никто не мог меня понять, даже Максим. Хотя он был рядом… долго был. Помогал мне переживать боль утраты. Видел меня в ужаснейшем состоянии. Старался вытянуть из тьмы. И даже воздухом своим делился, когда дышать становилось невозможно.

Вот только все хорошее когда-нибудь заканчивается, в том числе мужское терпение.

Однажды Максим понял, что не может мне помочь и привел психолога. А сам отстранился. Укатил в закат. Ушел так далеко, что, в итоге, променял меня на другую в тот самый момент, когда мне наконец удалось окончательно выбраться из ямы, в которой я находилась.

Стоп! Хватит думать о бывшем муже!

Сейчас все, что касается Максима не должно меня волновать — нужно вспомнить, как снова дышать.

Вроде бы нужно втянуть в себя воздух, но при первой же попытке он застревает в горле.

Воспоминания обрушиваются на меня, как бетонные плиты.

Слезы собираются на ресницах. Стоит только моргнуть, они польются по моим щекам.

— Твою мать, Лина, можно быть более… тактичной? — будто издалека доносится голос бывшего мужа.

— А что я такого сказала? — наигранно удивленно произносит девушка. — Это же правда, — ни нотки раскаяния не проскальзывает в ее голове. Хотя она очень пытается притвориться оскорбленной невинностью.

Хочу ей ответить. Правда хочу. Но мысли не собираются воедино. А в следующий момент я вообще обо всем забываю, ведь на меня надвигается огромная гора.

— Дыши давай! — рявкает Максим, кладя ладони мне на плечи и слегка встряхивая.

Не знаю, что приводит меня в норму, приказной тон мужа или обжигающее прикосновение, но в следующий момент — воздух заполняет легкие, вызывая еще большее жжение.

Благо, пожар в груди быстро гаснет, а пелена спадает с глаз.

— Не прикасайся ко мне, — шиплю, дергаясь в сторону. Видимо, подключаются внутренние резервы, состоящие из лютого гнева, раз мне удается вырваться. Двумя резкими дви-

жениями стираю влажные дорожки со щек и отступаю. — Держись от меня подальше, — вперивaю полный ненависти взгляд в Максима, — и свою… шлюху ко мне не подпускай. А лучше намордник на нее надень, чтобы не гавкала, — ярость клокочет внутри меня.

— Летта, ты перегибаешь… — целит Максим, сужая глаза.

Черты его лица заостряются, становятся почти звериными, но меня это не пугает. Бешенство буквально впрыскивается в кровь.

— Я перегибаю? Я?! — почти кричу. — Я потеряла ребенка, а тут появляется эта… дрянь и специально ворошит мои старые еще не зажившие до конца раны, — замечаю довольный блеск в глазах Ангелины.

Вот только никак не успеваю на него отреагировать, ведь Максим снова привлекает все мое внимание и после секундной заминки произносит:

— Она не хотела…

Глава 6

Я правильно понимаю — мой бывший муж пытается оправдать свою любовницу? И это при том, что она прошлась по мне чуть ли не бульдозером, задев все раны, которые только могла… заставив истекать кровью и без того разорванное в клочья сердце.

Вот же… подлец!

Максим явно хочет сказать что-то еще, но я останавливаю его поднятой рукой.

— Все она хотела, — отрезаю, чувствуя, как горю изнутри. Краем глаза замечаю, как Ангелина складывает руки на груди и выгибает бровь, как бы говоря: «Да, хотела. И что ты мне сделаешь?». Глубоко вздыхаю и медленно выдыхаю, лишь бы не ввязаться в драку. Отпинать беременную будет не лучшим решением с моей стороны. Да и потом оправдаться вряд ли получится. Вроде бы у меня даже получается достучаться до собственного здравомыслия, что случается редко в пиковые моменты. И чтобы не потерять связь с собственным разумом, впиваюсь ногтями в ладони и произношу:

— Я все сказала, — каждое мое слово пропитано силой, хотя меня прилично так потряхивает. — Как я понимаю, у тебя теперь новая семья, новая, в скором времени, жена и новый… ребенок на подходе, вот и занимайся ими, а ко мне не лезь. Для меня тебя больше не существует. А еще надеюсь, мы больше никогда не встретимся. А если наши пути вдруг пересекутся, пройди мимо, словно не знаешь меня. Договорились? — чеканю, пару секунд смотрю бывшему мужу прямо в глаза, чтобы он убедился — я абсолютно серьезно, а потом, не дожидаясь ответа, кручусь на пятках и, ощущая прожигающие насквозь взгляды, направляюсь к лифтам.

Но стоит мне к ним приблизиться, в спину прилетает:

— Это был и мой ребенок.

Спотыкаюсь. Лечу в стену. Благо успеваю выставить руки перед собой, поэтому не ударяюсь лбом о шершавую поверхность, а лишь немного обдираю ладони.

Сзади раздаются быстрые тяжелые шаги.

Меня начинает захлестывать паника.

Судорожно раз за разом жму на кнопку вызова лифта. Мне везет — створки тут же разъезжаются. Запрыгиваю в кабину, разворачиваюсь и… встречаюсь с серо-зелеными глазами мужа, которому остается сделать лишь последний шаг, чтобы зайти в лифт, оказавшись со мной в одном пространстве.

Но Максим не двигается. Просто смотрит мне в глаза и повторяет:

— Летта, это был и мой ребенок. Не только тебе было больно. Просто все по-разному справляются с горем.

— Хочешь сказать, что ты справлялся в объятьях Ангелины? — сарказм всегда был моей лучшей защитой.

— Не смей винить меня в том, что я продолжаю жить! — рявкает Максим, стискивая кулаки до побеления костяшек. — Забыла? Это ты отказалась от нас. Ты меня бросила. Ты подала на развод. Я всего лишь выполнил все твои требования. Но все равно остаюсь виноватым, — невесело усмехается. — Три года прошло, Летта. А с момента гибели нашего малыша почти четыре. Пора отпустить прошлое. Хватит цепляться за старые обиды. Хочешь ты того или нет, нам в скором времени придется часто пересекаться, поэтому прекрати строить из себя жертву и веди себя нормально. Я всего лишь предложил наладить наши отношения. Больше ничего.

— Зато твоя любовница… или уже невеста, да?… расщедрилась на предложения, — выплевываю.

— С Ангелиной я сам разберусь, — отрезает Максим. — Сейчас речь не о ней, а о нас с тобой.

— Что даже на свадьбу не позовешь? — нарочито наигранно заявляю я, широко распахивая глаза. — Забудь, — взмахиваю волосами. — Не будет между нами никаких отношений. Да и нас с тобой больше нет, — тянусь к панели с цифрами и нажимаю единичку. — Прощай, Максим. Надеюсь, у тебя хватит совести не появляться у меня на пороге снова, — намекаю на последний раз, когда бывший муж сидел перед моей дверью, и хочу хоть немного его задеть.

Створки тут же начинают закрываться, но прежде чем полностью сомкнутся, до меня доносится голос бывшего мужа с нотками предвкушения в нем:

— Ты же знаешь, что совесть я в третьем классе за пачку вафель продал, — усмехается своей давней шутке. — Зря ты отказалась от моего предложения, Летта. Ой зря. Все могло бы быть иначе…

Последняя буква не пробирается сквозь толщу металла. А я остаюсь с вопросом, что такое имел в виду Максим, когда говорил, что нам придется часто пересекаться. Он же не собирается вернуться в мою жизнь? Надеюсь, нет. Потому что если он вновь появится на моем пороге, звонком другу не отделается. Я буду бороться до последнего, чтобы избавиться от Максима. Ведь теперь мне есть что защищать… кого защищать.

Глава 7

Телефон в очередной раз начинает надрываться, когда я выхожу из лифта на лестничную площадку.

Мне даже не нужно смотреть на экран, чтобы понять, кто именно пытается до меня достучаться.

Настя…

Она начала названивать мне как раз тогда, когда я выходила из лифта.

Я то и дело сбрасывала вызов подруги. Но на этом она не угомонилась. Не прекращала мне звонить, когда я вышла из здания, перед этим забрав пальто из гардероба. В такси мне пришлось поставить телефон на вибрацию, потому что постоянная трель телефона могла потревожить водителя. Меня она, например, раздражала до безумия. Но отключить полностью звук на телефоне было нельзя.

А Настя, видимо, в упор не понимает намеков, поэтому даже спустя больше чем час все равно не оставляет попытки добиться от меня ответа.

Качаю головой, подходя к двери и вставляя ключ в замочную скважину. Вызов в это время прекращается, но стоит мне войти в квартиру, раздается вновь.

— Черт, она же не отстанет, да? — бормочу себе под нос, включая свет в прихожей.

Сбрасываю туфли и хмурюсь, когда никаких других звуков, кроме как вибрации телефона, не слышу. Тревога тут же сдавливает желудок. На секунду поддаюсь панике, но быстро понимаю, что если бы что-то случилось, мне бы обязательно позвонили. Глубоко вздыхаю и медленно выдыхаю, всеми силами пытаясь убедить себя в том, что ничего страшного просто не могло произойти, меня не так долго не было, после чего все-таки достаю телефон и нажимаю на зеленую кнопочку на экране.

— Чего тебе надо? — краем глаза цепляюсь за свое отражение.

Невольно поворачиваю голову и смотрю на себя. Прихожу к неутешительным выводам — выгляжу совсем как смерть. Такая же бледная и с безжизненным взглядом. Это так встреча с бывшим мужем повлияла на меня? Надеюсь, нет. Надеюсь, я просто слишком сильно устала. Ведь если все-таки дело в Максиме, то это уже перебор. Просто прошло три года, не может же мой бывший муж так сильно влиять на меня? Не может же…

— Я не буду извиняться, — непоколебимый голос Насти врывается в мой заполненный толщей переживаний разум. Не могу сдержать смешка.

— Ничего другого я от тебя и не ожидала услышать, — снимаю черное пальто, которое защищало меня от холода, и, зажав телефон плечом, вешаю его в шкаф рядом с дверью. — Как ты могла, Насть? — стараюсь говорить как можно тише, просто на всякий случай. — Ты же знала, что мне будет больно, — стоит только вспомнить огромный живот Ангелины, все внутри меня словно в тугую пружину сжимается, дышать становится почти нереально.

— Потому что тебе пора отпустить его, — так неожиданно произносит подруга, что я замираю посреди коридора. — Ты можешь врать самой себе, но я-то знаю: вернись Максим в твою жизнь, твое сердечко дрогнуло бы. А так, увидев пузо и убедившись, что оно появилось с помощью Максика, ты своего бывшего на пушечный выстрел к себе не подпустишь.

— Я все равно узнала бы, что он обрюхатил Ангелину. До меня и без твоего вмешательства дошли бы слухи о ее положении и их предстоящей свадьбе, — выпаливаю на одном дыхании.

— Они женятся? — удивление отчетливо прослеживается в голосе подруги. — Ай, неважно, — отмахивается. — Ты действительно не понимаешь, почему я это сделала, да? — спрашивает недоуменно. Но моего ответа не ждет, просто добавляет: — Не узнав об истинном положении дел в самом начале, неизвестно сколько бы времени Максим пудрил тебе мозги

и качал на эмоциональных качелях. Но ты права, в итоге ты бы все узнала, и тебе стало бы еще больнее, потому что твое сердечко могло успеть оттаять. А этот скотина даже доли твоего прощения не достоин. Поэтому пришлось действовать быстро и эффективно, — Настя явно довольна собой и, похоже, не понимает, что в этот раз перегнула палку. Причем сильно.

Какое-то время молчу, размышляя над тем, стоит ли вообще что-то говорить или лучше просто сбросить вызов и выключить телефон — сейчас я это точно могу сделать. Но, в итоге, все-таки решаю высказаться.

— Насть, знаешь, что самое ужасное в этой ситуации? — тяжело сглатываю. Всего секунду медлю, прежде чем признаться. — Какими благими ни были бы твои намерения, теперь я всегда буду помнить, что именно из-за тебя мне пришлось сегодня испытать ужасную боль. Ты хоть знаешь, что эта падлюка, то есть Ангелина, сказала мне сегодня? Что один день быть матерью не считается.

— Что?! — почти кричит Настя спустя секунду. — А Максим как на это отреагировал?

— А Максим… — печально усмехаюсь. — Никак он не отреагировал, — снова чувствую знакомую резь в груди. — Вот так, поэтому прости, но твой благой поступок я не могу оценить.

— Летт… — жалостливо произносит подруга.

— Нет, не надо. Не сейчас. Я пока не могу с тобой разговаривать, — прерываю Настю. — Может, позже. Я вообще ответила, чтобы попросить тебя больше мне не названивать. Я уже дома, а сейчас поздний вечер. Сама понимаешь…

Хочу злиться на Настю, правда, хочу. Но не могу.

Хоть мне еще до ужаса обидно, что она так жестоко со мной поступила, но я понимаю — подруга не со зла. Вот только это не означает, что я готова простить ее прямо здесь и сейчас. И Настя это тоже, видимо, осознает.

— Понимаю, — выдыхает. — Ты мне позвонишь? — спрашивает с надеждой.

— Да, — отвечаю с небольшой заминкой. — Позвоню. Ладно, мне пора. Пока, — сбрасываю вызов еще до того, как Настя успевает ответить.

Не могу я пока с ней разговаривать. Не хочу…

Прикрываю глаза. Даю себе секундную передышку, прежде чем расправляю плечи и иду по коридору в дальнюю комнату. Стараюсь ни о чем не думать, совсем. Поэтому не замечаю, как оказываюсь у приоткрытой двери. Толкаю ее и захожу в комнату, освещенную только теплым приглушенным светом, явно исходящим от ночника.

Взгляд падает на кровать у окна, и я не могу сдержать улыбку.

Сердце щемит, тепло разливается в груди. Все-таки этот день не такой уж плохой, ведь я смотрю на ужасно милую картину — моя трехлетняя малышка сопит, лежа на своей кровати и прижавшись к боку тоже спящего… Леши.

Глава 8

Стою неподвижно, стараюсь даже не дышать, чтобы не нарушить идиллию момента. Просто наблюдаю за потрясающей картиной, развернувшейся передо мной. Тепло в груди усиливается. Внутри становится как-то спокойно.

Все невзгоды этого дня отходят на задний план. Я почти забываю о встрече с бывшим мужем и его любовницей… беременной любовницей. Хотелось бы полностью стереть из памяти все произошедшее сегодня, вот только неприятный осадок все равно остается. Как бы я ни пыталась от него избавиться, меня не покидает ощущение, словно что-то глубоко внутри покалывает, напоминая о себе. И если я обращу внимание на этот дискомфорт, то меня снова затопит огромной силы сносящей все на своем пути волной, состоящей из жгучей боли и отчаяния.

Поэтому я всеми силами стараюсь игнорировать неприятные ощущения, которые то и дело пытаются выбраться из клетки под названием «Отбросить в сторону и забыть навсегда», куда я их засунула. Еще пару секунд позволяю себе просто поутопать в умиротворении, которое вышло на первый план, после чего глубоко вздыхаю, понимая, что стоять в проходе вечность — так себе вариант, и вхожу в детскую.

Стараюсь ступать максимально аккуратно, даже несмотря на розовый в тон стенам пушистый ковер, который поглощает звуки — не хочу будить малышку. При этом щурясь, смотрю под ноги, лишь бы случайно не наступить на игрушки, повсюду валяющиеся на полу.

Хорошо же Леша с Оленькой провели время. Наверное, им было о-о-очень весело.

Не могу сдержать улыбку, когда представляю, как маленький любвеобильный «монстр» ползает по взрослому мужику, заставляя того складывать кубики и переодевать куклы.

Мне даже жаль, что я не была свидетелем этой до жути умилительной картины. Но ничего, у меня еще будет шанс насладиться ею. Только чуть позже.

Сейчас у меня другая задача.

Подхожу к кроватке, заполненной мягкими игрушками, и аккуратно касаюсь плеча Леши. Тот слегка вздрагивает, но не просыпается. Тогда я едва ощутимо встряхиваю его. Леша хмурится, но все-таки распахивает веки. Стеклянный, немного растерянный взгляд быстро сменяется осознанным, когда мужчина смотрит на меня.

Леша несколько мгновений просто лежит, глядя мне в глаза и явно стараясь осмыслить, что происходит, после чего переводит взгляд на малышку, которая уткнулась носиком ему в подмышку, при этом сопит, как паровоз. Уголки губ мужчины приподнимаются. Леша какое-то время просто смотрит на маленького монстрика, который скрывается под личиной ангелочка, и максимально осторожно встает, стараясь не разбудить Олю. При этом не оставляет малышку сразу, даже наоборот, решает позаботиться о крошке — наклоняется над кроваткой, накрывает мою дочурку одеялком и даже целует в лобик. Только после этого выпрямляется и поворачивается ко мне.

— Она меня вымотала, — хрипит и трет лицо в попытке проснуться. Темные волосы мужчины находятся в полнейшем беспорядке, подозреваю, что это дело маленьких пальчиков Оли. Хорошо еще, что малышка щетину Леше не подпортила — красками не покрасила или даже не повырывала клочья, — а то я ее знаю, она может быть самой настоящей шкодой.

— Это она может, — усмехаюсь, после чего наклоняюсь и тоже целую Олю сначала в лобик, а потом в обе щеки. Еще пару секунд даю себе на то, чтобы полюбоваться чудом, которое нежданно-негаданно пришло в мою жизнь, и снова перевожу все свое внимание на мужчину рядом. — Спасибо, что посидел с ней, — искренне благодарю Лешу. — Если бы не ты, не знаю, что бы делала.

— Да не за что, — улыбается мужчина в ответ. — Оля — милая девочка, хоть и гиперактивная, — осматривает бардак на полу и качает головой.

— Это мягко сказано, — хмыкаю, решая, что убираться буду завтра. — Пошли, — указываю головой в сторону выхода и сразу же направляюсь туда же, зная, что Леша последует за мной. — Кофе? — спрашиваю уже в коридоре, слыша, как мужчина аккуратно закрывает за собой дверь.

Я в свою очередь иду прямиком на кухню.

— Ага, — Леша быстро ровняется со мной. — Как прошла выставка? Было что-то стоящее? — задает вполне обычный вопрос, но почему-то именно он заставляет меня вздрогнуть.

Первый порыв — выплеснуть на мужчину все эмоции, которые мне довелось испытать этим вечером и которые вновь просыпаются, стоит вспомнить о неожиданной встрече с Максимом, но я быстро себя останавливаю. Нужно сначала затолкать все чувства подальше, обуздать их, так сказать, а уже потом можно задать роковой вопрос, который так и рвется из меня.

Поэтому прикусываю язык и молча захожу на кухню. Машинально щелкаю выключателем и сразу иду к деревянному гарнитуру.

— Летт? — настороженность отчетливо прослеживается в голосе мужчины, когда я все так же молча снимаю чайник с подставки и начинаю наполнять его водой.

— Что-то случилось? — Леша волнуется, я это даже спиной чувствую.

Но слова, которые всего несколько секунд рвались из меня, на этот раз застревают в горле. Не понимаю, что со мной. Складывается впечатление, словно меня бросает от одного состояния в другое. Как там говорится? Из огня да в полымя? Да! По-другому описать то, что сейчас со мной происходит, никак не получается.

Черт! Нужно взять себя в руки. Нельзя Максиму позволять так сильно влиять на меня. Все-таки прошло целых три года. Тем более его сейчас же нет рядом. Почему тогда я все равно из-за бывшего мужа нахожусь в ужасном раздрае? Настолько сильном, что у меня руки подрагивают и ладошки потеют? А с учетом того, что я держу все тяжелеющий и тяжелеющий чайник, ни к чему хорошему мое состояние точно не приведет.

Благо, тело оказывается сильнее разума.

Поэтому, утопая в противоречивых эмоциях, машинально ставлю чайник обратно на подставку, включаю его, отмечая, как по стеклу разливается синева от подсветки. Упираюсь ладонями в столешницу и не двигаюсь. Делаю все, чтобы не думать о том, что теперь моя спокойная жизнь перестанет быть таковой.

Понимаю, что ничего критического вроде бы не произошло. Но своего бывшего мужа при этом прекрасно знаю — если Максим что-то вбил себе в голову, он не отступит. Мой бывший — тот еще упертый баран. А судя по тому, как он со мной сегодня общался и что говорил, Максим явно не намерен оставлять меня в покое. Даже наоборот. Могу точно сказать — бывший муж настроен продолжить наше общение, даже против моей воли. И если честно, это пугает до чертиков. Ведь я понятия не имею, как от него отгородиться.

— Летта, — Леша кладет ладони на мои плечи, убеждается, что я не отстраняюсь, и только после этого аккуратно разворачивает меня к себе. — Что случилось? — заглядывает в мои глаза. На его лице отчетливо прослеживается тревога, да такая сильная, что на лбу у мужчины появляются три глубокие морщины.

— Ты знал? — вырывается из меня всего два слова, но они значат так много, при этом не говорят ни о чем.

— Знал что? — вполне ожидаемо уточняет Леша и еще сильнее хмурится, а его пальцы, которые все еще сжимают мои плечи, сильнее впиваются в них.

Во рту так сильно пересохло, что приходится тяжело сглотнуть. Но это плохо помогает. Горло, например, все еще саднит, поэтому и голос кажется не моим, когда я спрашиваю:

— Ты знал, что Максим вернулся? — задерживаю дыхание, когда вижу, как меняется лицо Леши. Оно не просто белеет, но еще и его черты ожесточаются. — Знал, да? — сердце болезненно сжимается. Не знаю почему, но я чувствую себя… преданной что ли. — Конечно, знал, — бормочу. — Ты не мог не знать, Максим же твой лучший друг, — веду плечами, освобождаясь от чуть ли не железной хватки мужчины передо мной. Отхожу назад, но недалеко. На самом деле даже полноценный шаг сделать не получается, ведь я врезаюсь бедрами в край столешницы. Вжимаюсь в нее, чтобы хоть немного увеличить разделяющее нас расстояние, и задаю еще один очень важный для меня вопрос. — Почему ты не сказал? — вглядываюсь в глаза Леши в попытке найти в них хоть какие-то ответы. Жаль, что ничего не выходит. Лицо мужчины превратилось в нечитаемую маску. А в глазах виднеется только пустота.

Пару мгновений ничего не происходит, после чего Леша разрывает наш зрительный контакт и отходит к окну. Мужчина становится ко мне спиной, засовывает руки в карманы прилично смятых брюк. Почему-то только сейчас замечаю, что и его рубашка выглядит так, словно она в бетономешалке побывала. Оля постаралась, да?

Вот только все эти мелочи, за которые цепляется мой мозг, чтобы отвлечься, отходят на задний план, когда до меня доносится какой-никакой ответ Леши.

— А должен был? — спрашивает мужчина напряженно.

Сначала хочу выкрикнуть: «Конечно». Но стоит открыть рот, следом захлопываю его, понимая, что совсем недавно по этой же причине поссорилась с Настей. Мои плечи поникают, ноги перестают держать. Мне едва хватает сил, чтобы добрести до стола, установленного у противоположной стены кухонного гарнитура, после чего я плюхаюсь на стул, ставлю локти на столешницу и прячу лицо в ладонях.

— Я не знаю, — выдыхаю. — Не знаю…

Не могу отделаться от ощущения, что у меня внутри образовывается дыра размером с кратер. И она с каждой секундой становится все больше и больше. Кажется, еще немного — и от меня ничего не останется: слишком многое мне сегодня довелось пережить. Слишком многое…

Нахожусь в настолько сильном раздрае, что едва не пропускаю мимо ушей слова Леши. Но благо мозг все-таки за них цепляется. Иначе было бы совсем неловко.

— Не знаю, как вы с Максимом пересеклись, но подозреваю, к этому приложила руку твоя подружка, — плохо скрываемый гнев отчетливо прослеживается в голосе мужчины и привлекает мое внимание.

Вздергиваю голову, поворачиваюсь корпусом к окну, впериваю шокированный взгляд в спину Лехи. Пару секунд наблюдаю за тем, как бугрятся мышцы под натянутой белой тканью рубашки, выдавая все эмоции мужчины с потрохами, и только после этого заглядываю в окно в попытке рассмотреть выражение лица Лехи. Плохо, но все же получается — я замечаю рассеянный взгляд, острые скулы и сжатые в плотную белую линию губы.

— Откуда ты знаешь? — настороженно спрашиваю, имея в виду Настю. Кто-нибудь другой даже не попытался бы догадаться, что у меня на уме. Но не Леша. Леша так хорошо за последние три года меня изучил, что понимает все без особых уточнений.

— Да приходила недавно твоя подружка ко мне в офис. Как раз тоже узнала о возвращении Максима в Москву. Хотела посоветоваться, как лучше поступить. И была очень недовольна, что я не поддержал ее идею — как-то вас свести и сделать все, чтобы ты узнала, как у Максима обстоят дела на самом деле, — а наоборот предложил оставить все как есть и не вмешиваться в чужие дела, — мужчина даже не пытается скрыть свое негодование. — Как я понимаю, она осталась при своем мнении, раз после вечера с ней ты задаешь мне вопросы о возвращении Максима, — плечи Лехи еще больше напрягаются. Мне даже кажется, что я могу рассмотреть очертания мышц под его рубашкой.

Все это я отмечаю где-то на краю сознания, ведь основная его часть вертится вокруг одного-единственного вопроса, который я все-таки решаюсь задать вслух:

— Я правильно понимаю: ты не хотел, чтобы я знала о возвращении Максима? Но почему?

Все внутри меня стягивается в тугой узел, который с каждой секундой становится все туже и туже. Не дышу, пока жду объяснений. В какой-то момент легкие даже начинает жечь. Слишком сильно жечь.

Леха ловит мой взгляд в отражении. Понятия не имею, откуда он знает, что я таким образом смотрю на него, но это и неважно, ведь в какой-то момент мужчина резко разворачивается и два широких шага преодолевает расстояние между нами. Опускается передо мной на корточки, берет мои руки в свои и смотрит на меня снизу вверх. Так пронзительно смотрит, что мое сердце пропускает удар.

— Хочешь правду или лучше соврать для твоего успокоения? — хрипло произносит Леха, посылая табун мурашек по моему позвоночнику.

— Правду, — кое-как выдавливаю из себя.

— Ну смотри, ты сама напросилась, — уголки губ мужчины приподнимаются, но улыбка кажется какой-то… печальной, что ли. Ком застревает в горле, а инстинкты кричат: «Тебе не понравится то, что ты сейчас услышишь — лучше беги». Вот только вместо того, чтобы послушать свое нутро, я неподвижно сижу и смотрю в голубые глаза Лехи. Мне кажется, что проходит вечность, хотя на деле, похоже, всего несколько секунд, прежде чем мужчина дает мне ответ, который, если бы я стояла, выбил бы почву из-под моих ног:

— Я не хотел, чтобы ты знала, что Максим вернулся, потому что не мог позволить ему забрать у меня еще одну женщину, в которую я тайно влюблен.

Визуализация: подруга и малышка

Девочки, вы у меня просили показать вам подругу нашей главной героини и рассказать о ней чуть побольше. Я подумала: “Почему бы и нет”, — поэтому давайте знакомиться дальше с героями нашей истории.

Итак, начнем с долгожданной:
Никулина Анастасия Витальевна, 33 года

По профессии Настя — адвокат. В отличие от Летты, она очень рациональная. Всегда старается следовать логике, слушать свои инстинкты и не поддаваться эмоциям.

Единственным ее импульсивным поступком было замужество после школы. Но стоило девушке закончить университет и начать строить карьеру, муж, уже бывший, «взбрыкнул». Хотя она очень его любила, но не стала терпеть и подала на развод.

Настя никому и никогда не рассказывала, почему получила статус «разведенка». Хотела, чтобы все видели ее сильной, а на самом деле ей было очень тяжело смириться с потерей близкого человека. И похоже, только Летта знала, как девушке тяжело, поэтому старалась поддержать ее всеми силами.

Настя с Леттой дружат еще со школьных времен. Хоть девушки и учились не в одном классе, а в параллельных, каким-то образом сдружились и пронесли эту дружбу спустя много лет.

Поэтому когда Настя узнала, что Летте предстоит пройти через развод — решила, что поддержит ее не только в профессиональном плане, но и в личном. Девушка защищала подругу как только могла, но в какой-то момент перешла границы. Теперь ей предстоит наладить отношения с подругой. Но как? Узнаем на протяжении всей истории.

И еще у меня для вас бонус:

Оля, 3 года

Мылышка очень озорная и гипер активная. С виду Ангелочек, а внутри "маленький монстрик", как ее называет Летта) Но при это Летта очень ее любит.

Историю Оленьки мы узнаем чуть позже. Но сейчас хочу вас спросить. Как вам наша малышка?

Глава 9

Смотрю на Лешу и не знаю, что сказать. Его признание оказалось слишком… неожиданным. Если бы я стояла, оно в буквальном смысле выбило бы у меня всю почву из-под ног.

Хоть мы с Лешей плотно общаемся последние три года, никаких поползновений в мою сторону он не делал. И намека не было на какие-либо чувства. Не говоря уже о… любви. Это слово мне даже мысленно сложно произнести. Оно четко ассоциируется с болью. Такой сильной болью, что у меня внутри все до сих пор ноет. Мне казалось, что раны, нанесенные Максимом, давно зажили, и теперь у меня получится жить своей обычной жизнью и даже дышать полной грудью. Но встреча с бывшим мужем разбередила все внутри меня. А признание Леши добавило еще больше растерянности.

— Ничего не скажешь? — друг мужа чуть сильнее сжимает мои резко похолодевшие пальцы.

Мне требуется секунда, чтобы вспомнить, как начать говорить.

— Эм… — тяжело сглатываю в попытке смочить саднящее горло. — Что ты от меня хочешь услышать? — щелчок чайника становится для меня сигналом.

Подрываюсь на ноги, одновременно освобождаясь от цепких пальцев мужчины, и направляюсь обратно к кухонному гарнитуру.

— Например, то, что ты дашь нам шанс, — доносятся до меня слова с проскальзывающими в них нотками злости.

Кружка, которую я успела достать из навесного шкафчика, едва не выскальзывает из моих пальцев. Ставлю ее на столешницу и от греха подальше вторую не достаю.

— Почему сейчас? — впериваю взгляд в фартук, отделанный под дерево.

Концентрируюсь на витиеватых узорах, рассматриваю каждую деталь, лишь бы не позволить себе думать о том, что могу лишиться еще одного человека, которого подпустила к себе достаточно близко.

Помню, как впервые мы начали с Лешей общаться. Он позвонил мне в тот же день, когда забрал Максима из-под моей двери. Сообщил, что отвез того домой. И сказал мне, чтобы я не переживала, ведь больше Максим вряд ли меня снова побеспокоит. Просто сегодня он был в неадеквате. Не знаю почему, но я ему поверила. Скорее всего, дело в том, что Леша звучал очень убедительно. А потом не забыл поинтересоваться, как у меня дела. Я не смогла ему соврать, прошептав одно-единственное слово «плохо». После непродолжительного молчания мужчина начал говорить обо всем и ни о чем одновременно. Я быстро поняла, что он пытается меня отвлечь, и решила ему подыграть. Мы действительно говорили обо всем на свете. Кажется, даже погоду обсудили.

В тот вечер я впервые не мучилась вопросами, которые начинались с: «А что если бы…?» и «Может быть…?».

А что если бы я не впала в депрессию после потери нашего малыша?

А что если бы не прогнала Максима, когда он пытался мне помочь?

А что если бы поделилась с ним своей болью?

Может быть, смогла бы раньше выбраться из той ямы, в которую меня затянуло? Может быть… только может быть мне не пришлось бы переживать весь тот ад в домике в горах? Может быть, у меня был бы все еще любящий муж?

Все эти мысли, которые одолевали меня на протяжении многих месяцев, во время разговора с Лешей отошли на задний план, если не исчезли вовсе.

Я была так благодарна другу мужа за секундную передышку, что не задала главный вопрос: «Зачем он притащил Ангелину на день рождения Максима?».

Не сделала этого и на следующий день, когда Леша позвонил мне снова, чтобы «просто поболтать». И потом тоже не стала уточнять, хотя именно друг мужа рассказал мне об отъезде Максима с Ангелиной в Париж.

Эта новость стала для меня еще тем ударом. Ведь этот город всегда был моей мечтой. Хотя я была в нем множество раз, пожить мне там так и не удалось. Я надеялась, что однажды моя мечта исполнится. Вот только муж, похоже, решил подарить ее другой.

После этого я решила, что больше не хочу ворошить осиное гнездо. Пусть все прошлое остается в прошлом. А мне нужно научиться жить самостоятельно… без призрака Максима, нависающего надо мной.

Удивительно, но Леша меня не оставил в покое. Он периодически звонил мне, чтобы узнать, как у меня дела. А когда у меня появилась Оленька, стал чуть ли не членом нашей семьи. Вот только мы никогда не говорили о том, чтобы быть вместе по-настоящему. Поэтому именно сейчас крайне неожиданно слышать от Леши о его якобы чувствах. Тем более мы оба знаем, кому действительно принадлежит его сердце.

— Ты сама не понимаешь? — друг мужа делает шаг ко мне.

Волоски на затылке встают дыбом, когда я всем телом ощущаю его приближение.

Не выдерживаю, кручусь на пятках и заглядываю Леше в глаза.

— В том-то и дело, что понимаю, — выпаливаю так тихо, как могу, чтобы не разбудить малышку. — Скажи, если бы Ангелина с Максимом не появились на горизонте, ты бы сегодня признался мне в своих чувствах? Или еще когда-нибудь?

Леша на секунду тушуется, но уже через мгновение становится серьезным и в один широкий шаг преодолевает разделяющее нас расстояние.

— Какая разница? — упирается руками в столешницу по обе стороны от меня. Нависает надо мной. Подходит так близко, что я всем телом ощущаю его тепло. Горячее дыхание обдувает нежную кожу моего лица, когда мужчина хрипло произносит: — Сейчас мы говорим не о них, а о нас с тобой, — опускает взгляд на мои пересохшие губы, прежде чем снова заглянуть мне в глаза. — Просто скажи «да», и ты не пожалеешь, — шепчет.

Желудок сжимается с такой силой, что меня начинает мутить, но я все равно выдавливаю из себя одно слово:

— Нет.

До Леши не сразу доходит его смысл, а когда все-таки доходит, мужчина выпаливает:

— Что? Почему? — хмурится.

— Потому что я знаю, кого ты любишь на самом деле. А снова становиться заменой Ангелины точно не собираюсь, — мне и одного раза хватило. — Пусти, — толкаю Лешу в грудь.

Но эта стена даже не шатается, не говоря уже о том, чтобы сдвинуться с места.

— С чего ты решила, что будешь чьей-то заменой? — цедит.

Начинаю злиться.

— Давай, скажи мне сейчас, что у тебя не осталось чувств к девушке, которую «увел у тебя Максим», — сужаю глаза до тонких щелочек. — Соври мне прямо сейчас, и я поверю. Давай. Я жду.

Глава 10

Леша молчит.

Я тоже.

Тишина на кухне становится совсем гнетущей, даже закипающий чайник больше не разрывает ее.

Разочарование. Да, именно его я сейчас испытываю. Иначе не объяснить, что на самом деле творится у меня в душе.

Леша последние три года был для меня хорошим другом. Нет, даже больше. Он стал даже членом семьи. Без него у меня бы не было Оленьки. И если бы Леша предложил хотя бы пару месяцев назад попробовать построить настоящую семью, вполне может такое быть, что я согласилась бы. Но глядя на него сейчас, вижу лишь страх потерять еще одного близкого человека и желание хоть в чем-то превзойти Максима.

Если уж быть совсем честной с собой, в чем-то я даже понимаю Лешу. Ведь мне тоже хочется «доказать», что на меня никак не повлияла связь моего бывшего мужа с его подругой. Но я взрослый человек, поэтому смогла быстро себя остановить от совершения какого-нибудь необдуманного поступка. Для меня куда важнее сохранить отношения с хорошим человеком, чем быть чьей-то заменой.

— Отойди, пожалуйста, — произношу как можно спокойнее. — Чайник уже давно закипел, — толкаю Лешу в грудь. На этот раз даже не приходится прилагать особых усилий, чтобы отодвинуть мужчину от себя. Он сам делает шаг назад, а потом еще один. — Может, лучше чай? — спрашиваю, разворачиваясь и доставая из шкафчика наш с Лешей любимый малиновый чай. Да, пакетированный. Но кто нам что сделает? — А то для кофе уже поздновато, — следом беру еще одну чашку и захлопываю дверцу шкафчика.

Вот только мне даже не удается открыть пачку с чаем, как в спину прилетает признание, произнесенное тихим голосом:

— Я не буду тебе врать, — выдыхает он. — Я действительно был влюблен в Ангелину с первой нашей встречи. Но она никогда не выбирала меня. Ей всегда был интересен только Максим. Только его она видела. Только его хотела. Хотя было время, когда Ангелина притворялась, что считает Максима лишь другом, и он ей неинтересен…

Леша явно хочет сказать что-то еще, но я не выдерживаю. Кручусь на пятках, прерывая мужчину, и задаю вопрос, который не давал мне покоя все время со дня происшествия в горах, хотя я и пыталась засунуть его в самый дальний угол моего сознания:

— Если ты все это время знал, что Ангелина была влюблена в Максима, зачем притащил ее в домик в горах? — три года прошло, а решаюсь спросить об этом только сейчас.

Но, видимо, Леша ждал, когда же я все-таки сделаю последний шаг к выяснению правды, потому что даже удивленным не выглядит. Он лишь печально улыбается и отводит взгляд к окну.

— Она попросила, — пожимает плечами, словно не видит ничего такого в том, что сотворил. Раздражение вспыхивает где-то внутри меня, но высказать мне его не удается, ведь Леша меня опережает, добавляя: — Я никогда не мог отказать Ангелине. А когда она узнала, что ты собираешься устроить праздник для Максима, но ее не пригласила, такой скандал мне учинила, что у меня уши вяли от ее крика. Но я не дрогнул до того самого момента, пока она не расплакалась у меня на груди, — качает головой. — Я как только мог спокойно выслушал ее истерику, утешал. А когда Ангелина подняла на меня полные слез глаза и попросила взять ее с собой на день рождения Максима — «все-таки он один из лучших ее друзей и она очень хочет быть рядом с ним в такой важный день», — не смог ей отказать. Я правда не знал, что у Ангелины были свои планы, — тяжело вздыхает.

— Но вы же тогда были вместе вроде как, — хмурюсь.

Мышцы слабеют, и ноги перестают меня держать, поэтому я хватаюсь за край столешницы. Стискиваю ее что есть мочи, всеми силами пытаюсь сохранить самообладание.

Чувства, которые я заперла где-то глубоко внутри себя, вспыхивают с новой силой и не дают мне нормально дышать. Приходится заставлять себя делать глубокие вдохи и медленные выдохи, несмотря на боль, которая возрождается в моем сердце.

Второй раз за вечер мои старые раны кто-то бередит. На этот раз я сама прекрасно справляюсь с этой задачей. Но, видимо, пришло время выяснить все до конца. Потому что, не узнав правды, не излечиться. А прожить всю жизнь с ношей на плечах — так себе вариант.

— Вот именно, что «вроде как», — хмыкает Леша и трет шею. — Знаешь, а я прекрасно понимал, что Ангелина меня использует, чтобы позлить Максима. Понимал, но все равно был рад проводить с ней как можно больше времени. Между нами тогда даже ничего не было. Но я надеялся, что если буду рядом… совсем близко, она в итоге посмотрит на меня по-настоящему. Тем более я думал, что Максиму плевать на проделки Ангелины. Ему же с тех пор, как он тебя встретил, больше никто не был интересен. Но, как мы видим, я ошибся дважды, — Леша наконец заглядывает мне в глаза. Смотрит так пронзительно, как это только возможно, прежде чем улыбнуться одними уголками губ. — Летт, послушай, я тебе все рассказываю просто, чтобы ты знала: я не хочу от тебя ничего скрывать. Ведь ключевые слова во всей этой истории — «был влюблен». Сейчас чувств к Ангелине у меня нет. Да и с Максимом у них все стало серьезно. А ты мне нравишься. — делает шаг ко мне, но я выставляю руку вперед, останавливая его. Мужчину это, похоже, не смущает, он все так же продолжает смотреть на меня и добавляет: — Я не вру. У меня действительно есть чувства к тебе. И я очень хочу попробовать создать с тобой что-то настоящее. Как ты смотришь на то, чтобы хотя бы попробовать?

Осмыслить все сказанное Лешей у меня не получается, не говоря уже о том, чтобы дать ему хоть какой-то ответ, ведь по квартире разносится звон колокольчиков.

Мы оба поворачиваем головы к выходу из кухни, где неподалеку находится входная дверь, после чего переглядываемся.

— Ты кого-то ждешь? — спрашивает Леша.

— М-м-м, нет, — от нехорошего предчувствия сжимается желудок. — Может, квартирой ошиблись?

Стоит это произнести, как следом раздается еще один звонок в дверь.

— Черт, Олю же разбудят, — бормочу себе под нос и срываюсь с места.

Мчусь к двери так быстро, что едва успеваю затормозить перед ней и не врезаться в нее лбом. Но благо ничего непоправимого не происходит, только сбивается дыхание и разгоняется сердцебиение. Поэтому я лишь шумно выдыхаю, после чего заглядываю в дверной глазок.

Сердце тут же пропускает удар, а у меня все внутри ухает вниз, когда я вижу на пороге своего бывшего мужа.

Глава 11

Ловлю дежавю.

Примерно то же самое происходило три года назад.

Максим стоял на лестничной площадке, а я смотрела на него из-за двери и чувствовала, как мое сердце разрывается на части.

Сейчас же боль хоть и не такая сильная, но все еще есть. Хорошо, что я ее почти не чувствую, потому что любые эмоции вытесняет шок.

Да, именно его я сейчас испытываю. Поэтому не могу сдвинуться с места. Ноги словно прирастают к полу, а дыхание застревает в груди.

Не знаю, сколько проходит времени, наверное, секунды, хотя мне кажется, что вечность, прежде чем на мою спину ложится мужская рука, а над ухом раздается голос Леши:

— Кто там?

Он прозвучал тихо, хотя мне напомнил крик, ведь не проходит и мгновения, как за дверью звучит твердый голос Максима:

— Летта, открывай. Я видел свет на кухне, поэтому знаю, что ты не спишь!

Вот черт!

Хоть слова бывшего кажутся приглушенными, но я все равно их прекрасно слышу, как и Леша.

Всем телом ощущаю, как он напрягается. Сейчас мужчина статую напоминает. Скорее всего, это просто игра моего воображения, но почему-то кажется, что его ладонь на моей пояснице холодеет.

— Что он здесь делает? — произносит Леша чуть ли не шепотом.

Неужели не хочет, чтобы лучший друг знал, что он общается с его бывшей женой? А как же недавнее признание мне в своих чувствах? Или Леша считает, что слова ничего не значат и их можно забрать обратно?

Да, я накручиваю себя. Где-то в глубине души все прекрасно осознаю. Но, если честно, это лучше, чем думать о том, зачем на самом деле явился Максим?

Да, он предупреждал, что в скором времени нам придется встретиться. Вот только я даже подумать не могла о том, что бывший муж в этот же день появится на пороге квартиры, которую сам же оставил мне после развода. Рабочие вопросы посреди ночи он точно вряд ли будет решать, поэтому не остается сомнений — Максим пришел выяснять отношения.

Как бы мне ни было любопытно, что же привело бывшего мужа на порог квартиры, которая раньше была нашей, общаться с ним второй раз за день нет никакого желания. Тем более прошлая наша встреча закончилась, мягко говоря, не очень. Я до сих пор чувствую саднящую боль в районе груди от разворошенной Максимом и его любовницей старой раны.

Громкий стук сотрясает пространство, и я отскакиваю от двери. Сердце разгоняется до такой степени, что кажется вот-вот выпрыгнет из груди. Кончики пальцев подрагивают, во рту пересыхает, в голове шумит. Но я все равно отчетливо разбираю каждое слово, произнесенное бывшим мужем:

— Летта, открывай, я кому говорю! — приказные нотки слышны в голосе Максима.

Ну-у-у, по крайней мере он не пьян, это вселяет надежду, что до бывшего мужа можно достучаться.

Тяжело сглатываю. Делаю шаг вперед. Снова заглядываю в дверной глазок, прежде чем максимально твердо, насколько это только возможно, произнести:

— Уходи. Нам не о чем разговаривать.

Меня прилично так потряхивает. Не понимаю, дело в страхе снова столкнуться с Максимом на этот раз на моей территории, либо же в нервозности. Я боюсь даже представить, о чем

хочет поговорить бывший муж и чем может закончиться наш разговор, с учетом, что теперь у меня есть Оленька и Леша тоже никуда не ушел.

— Я никуда не уйду, пока ты не откроешь долбанную дверь, — даже через дверной глазок вижу, что Максим начинает злиться.

На что черт побери он рассчитывал, когда появлялся на моем пороге? На то, что я приму его с распростертыми объятиями после всего случившегося? Ну да, ну да. Особенно после нашего последнего разговора.

— Давай я с ним поговорю, — Леша разворачивает меня за плечи и поворачивает к себе, заглядывает мне в глаза.

— Но… — кошусь на дверь.

Последнее, чего я хочу — стычки двух мужчин.

— Мы оба знаем, насколько Максим упертый. Если он что-то вбил себе в голову, то не отступит, — пытается призвать мое здравомыслие друг мужа. — А если он тарабанить в дверь начнет? Разбудит Олю и напугает, не дай бог, — Леша знает, где находится мое слабое место.

Прохожусь языком по пересохшим губам и… киваю.

— Не переживай, сейчас решим… твою проблему, — ободряюще улыбается мужчина и сразу же становится серьезным.

Не проходит и мгновения, как раздается щелчок поворачивающегося в замочной скважине ключа.

Зажмуриваюсь, боясь даже представить, что сейчас будет, и слышу голос Леши:

— Привет, друг. Давно не виделись.

Глава 12

Задерживаю дыхание.

Кажется, даже мое сердце останавливается.

Я во все глаза смотрю на напряженную спину Леши, обтянутую белой плотной тканью, и не могу вымолвить ни слова.

Но, похоже, я не одна такая, у кого пропал дар речи. Ни Леша, ни Максим ничего не говорят. Даже не видя лица их обоих, могу сказать, что они сверлят друг друга яростными взглядами. Не зря же складывается впечатление, что вокруг нас воздух потрескивает. Все из-за атмосферы напряжения вокруг.

Слышу лишь тяжелые вдохи и бешеное биение сердца. Не понимаю, это реакции моего собственного тела. Либо же я настроилась на кого-то из мужчин, которых явно нельзя назвать спокойными. Хотя нужно отдать Леше должное, он пытается сохранять самообладание. Но даже несмотря на то, что, скорее всего, лицо мужчины остается бесстрастным, я могу сказать, что он вряд ли рад тому, что пришлось столкнуться с лучшим другом на пороге его бывшей жены.

А вот тот факт, что Максим молчит, нервирует до безобразия.

Я прекрасно знаю своего мужа.

Не сомневаюсь, у него в голове сейчас проносятся тысячи разных мыслей, вот только он не дает им волю. Так как и не отпускает вожжи самоконтроля. Но у него внутри творится настоящий процесс. Уверена, Максим сращивает факты, которые ему доступны, и пытается сообразить, как ему лучше поступить.

Вот только какие бы варианты сейчас ни просчитывал Максим, вряд ли хоть один приведет к чему-то хорошему. И мое предположение подтверждается, когда я слышу глухой смешок, после которого следует тихое:

— Вот как.

Всего два слова выбивают почву из-под моих ног.

Они вроде бы ничего не значат, но меняют все безвозвратно.

Последнее, чего бы мне хотелось — чтобы Леша лишился своего друга. Ведь если Максим до сих пор ничего обо мне не знает, значит, Леша молчал о нашей связи. Он пытался сохранить две свои жизни отдельно друг от друга. Но тут пришлось выбирать. И я не уверена, что его выбор не приведет к чему-то непоправимому.

Не хочу нести ответственность за чужие разрушенные жизни, поэтому набираю в легкие побольше воздуха и делаю шаг в сторону.

Теперь я вижу Максима, но он не обращает на меня никакого внимания. Зато презрение, с которым бывший муж смотрит на своего лучшего друга, от меня не скрывается.

«Поздно», — проносится в голове.

И я понимаю, что ничего уже не исправишь, тем более после того, как Леша заявляет:

— Прости, что не сказал раньше.

До меня не сразу доходит смысл его слов, а как только доходит, едва не роняю челюсть на пол. Вот только сообразить, как лучше поступить, не удается, ведь Максим задает еще один вопрос, который вгоняет меня в ступор:

— И как давно?

Бывший муж кажется расслабленным, даже руки в карманах брюк прячет. Но почему-то мне кажется, что он предварительно сжимает кулаки.

Максим на грани…

Чувствую это загривком, хотя на лице бывшего мужа ничего такого не отражается. Он как был холодным, таким и остается. Но я буквально вижу огонь, полыхающий в глубине его

глаз. Желудок сжимается в болезненном спазме. Дар речи ко мне так и не возвращается, Леше опять приходится взять на себя весь удар.

— Какая разница? — он намеренно опускает плечи, зато костяшки его пальцев, сжимающих дверь, остаются такими же белыми, как до этого. — Главное, то, что ты все правильно понял, — в словах друга мужа скрывается натянутая улыбка. Но она пропадает при следующих:

— Надеюсь, мы останемся цивилизованными людьми и продолжим нормально общаться, ведь ничего такого не произошло. Вы с Леттой давно разведены и у тебя другая сем…

Договорить ему не удается. Последнее слово исчезает в глухом звуке удара. Я даже пискнуть не успеваю, как Леша наваливается на меня, едва не сбивая с ног. Не знаю, каким чудом нам удается устоять, но больно плечом к стене я все-таки прикладываюсь. Перед глазами появляются звезды, полустон-полушипение срывается с губ. У меня толком прийти в себя не получается, а Максим уже переступает порог квартиры, бывшей когда-то нашей. Все эмоции бывшего мужа как на ладони. Выражение лица становится… звериным, по меньшей мере. В глазах светится жажда расправы.

Видимо, Леша видит то же, что и я. Встает прямо, освобождая меня от своего веса.

— Надеюсь, тебе стало легче, — хмыкает, провоцируя Максима еще больше.

— Черта с два! — рычит бывший муж. В один широкий шаг приближается к Леше и смотрит на своего друга так, словно тот не больше, чем грязь под его подошвой. — Скажи, когда ты решил, что имеешь право трахнать мою жену? После того, как у нее появился штамп в паспорте о нашем разводе, или до? — цедит.

— Максим! — взвизгиваю возмущенно, не выдерживая.

И тут же жалею о столь поспешном поступке, потому что я привлекаю внимание бывшего мужа.

— А что? — вперивает он в меня презрительный взгляд. — Я имею право знать. Не считаешь? — выгибает бровь. — Но вообще, если ты раздвигала перед ним, — указывает головой на своего друга, — ноги будучи замужем за мной, это все объясняет.

Не понимаю, что он имеет в виду. И у меня в любом случае не получилось бы узнать, потому что кровь отливает к ногам, когда сзади раздается едва слышный детский голосок:

— Мама.

Глава 13

У меня внутри что-то обрывается.

Паника захватывает сознание. Да так резко, что я задыхаюсь от наплыва неприятных чувств. В голове проносятся тысячи мыслей и ни одна не подсказывает, что делать.

Бросаю быстрый взгляд на Максима. И чувствую, как у меня подкашиваются ноги. Ведь муж превратился в статую, а его взгляд, даже несмотря на то, что Леша пытается закрыть собой малышку, все равно выцепляет Олю.

Складывается впечатление, что время замедляется. Секунды становятся такими долгими, словно мироздание хочет поиздеваться надо мной, проигрывая события на самой медленной скорости из возможных. Даже не так. Скорее, вселенная мечтает, чтобы я в полной мере вкусила всю степень тьмы, в которую она может меня окунуть.

Где-то в глубине души я понимаю, что ни в чем не виновата и мне нечего стыдиться. Но глядя сейчас на Максима, что-то переворачивается внутри. Бывший муж смотрит на девочку, которая без сомнений взирает на него своими огромными глазками-бусинками, и его лицо меняется. Холодная, бесстрастная маска спадает с бывшего мужа. И теперь любой может прочитать эмоции, которые он обычно так старательно прячет. Максим испытывает целую гамму эмоций: от банального шока до самой настоящей ярости, которая не так давно сверкнула в его глазах.

Вздрагиваю, хотя сама не понимаю, что именно послужило причиной моего резко вспыхнувшего беспокойства: то ли дело во тьме, которая таится в переведенном на меня вопросительном взгляде Максима, то ли в том, что я улавливаю быстрые шажки за спиной, сопровождаемые громким писком:

— Мама.

Тело действует отдельно от мозга, который никак не хочет снова начинать функционировать. Разворачиваюсь на пятках так стремительно, что сама этого не замечаю. Быстро сокращаю расстояние между мной и Оленькой, на подлете подхватываю малышку на руки и бегу к ней в детскую.

С грохотом захлопываю за собой дверь, о чем тут же жалею, но все равно протяжно выдыхаю.

Только сейчас чувствую, как сильно дрожу. Сердцебиение разгоняется до предела. Во рту пересыхает от частого прерывистого дыхания.

Мысли как были бессвязными, таковыми и остаются. Единственное, о чем я могу четко думать — это то, что мне очень сильно повезло скрыться до того, как случилось что-то непоправимое.

За дверью слышатся приглушенные мужские голоса и, кажется, разговор происходит на повышенных тонах, что заставляет меня напрячься еще больше. Видимо, я перебарщиваю, ведь в следующий момент слышу тихий детский голосок:

— Мама, больно, — Оля начинает возиться у меня в руках.

— Прости, — выдыхаю и ослабляю хватку. — Прости, — бормочу под нос, даю себе секунду на то, чтобы собраться с мыслями, и отталкиваюсь от пола.

Несу Олю к ее кроватке, которую освещает лишь свет полной луны, проникающий в комнату через окно. Но этого приглушенного освещения вполне хватает, чтобы беспрепятственно уложить свою дочурку на кроватку и безошибочно накрыть ее одеялком.

— Та-а-ак, — заглядываю в милое личико Оленьки, всеми силами стараясь взять себя в руки и не показать то, как сильно переживаю из-за того, что оставила двоих упертых баранов на пороге своей квартиры, — ты забыла, что мы делаем ночью? — сейчас главное Оля, нет никого важнее ее.

Малышка недовольно поджимает губки, но долго на меня обижаться не может и выдыхает:

— Спим.

— Правильно, — дарю малышке самую мягкую улыбку из своего арсенала.

У нас раньше были проблемы со сном. Я только недавно восстановила дочке режим, не хотелось его сбивать из-за одного придирка, который решил, что ему все можно.

Злость вспыхивает в глубине моей души, но я судорожно вздыхаю, подавляя ее. Последнее, чего сейчас хочу — это напугать Олю еще больше.

Нужно ее уложить. Но после сцены, которую она увидела пару минут назад, не уверена, что малышка быстро уснет.

— Как насчет второй сказки на ночь? — оглядываюсь по сторонам в поиске какой-нибудь книжки, втайне надеясь, что Леша выпроводит Максима по добру по здорову и мне не придется с ним объясняться. Ведь что-то подсказывает, что ничего хорошего из нашей очередной стычки с бывшим мужем не выйдет. И боюсь, Оля опять проснется, если, конечно, мне удается ее уложить.

Черт. Где же эта книжка? В полутьме и на нервах ничего не могу найти. А в следующий момент вообще обо всем забываю, потому что Оля меня словно по голове ударяет своим полным надежды вопросом:

— Этот дядя — мой папа, да?

Глава 14

«Нет» рвется из меня, но так и не вылетает изо рта.

Дар речи пропадает, когда я вижу, с какой надеждой малышка смотрит на меня. Слезы так стремительно подкатывают к глазам, что мне приходится даже зажмуриться, лишь бы не позволить им пролиться.

Кажется, я совершила самую большую ошибку в своей жизни. И даже не тогда, когда позволила Максиму переступить порог квартиры, а до этого, дав ему возможность войти в мою жизнь. Теперь тень отношений с бывшим мужем будет всегда преследовать меня.

— Какую сказку тебе прочитать? — выдыхаю, так и не ответив на вопрос малышки.

Надеюсь, она это не заметит. Все-таки девочка пока еще слишком маленькая, чтобы понимать, что мама избегает разговора.

Благо, натыкаюсь пальцами на какую-то книжку, валяющуюся на полу, сразу же поднимаю ее и открываю.

Мне иногда кажется, что Оля старше своего возраста на несколько лет минимум, наверное, дело в ее чрезмерном спокойствии — бывает дочка даже на горшке засыпает. Сейчас же она просто переключается на историю, которую выбирает вместе со мной, пролистывая страницы.

Не проходит и десяти минут с того момента, как я начинаю читать сказку про мишку, который пытается добыть мед, а для этого ему приходится справиться с пчелами, как до меня доносится тихое сопение.

Отрываю взгляд от строк и красочных картинок, на которых всеми силами пыталась сконцентрироваться, и заглядываю в личико своей мирно спящей дочери. Она такая красивая и… умиротворенная. Такой, какой сейчас хотела бы оказаться я.

Но у меня на душе все время, что я нахожусь с малышкой, кошки скребут. Тысячи вопросов проносятся в мыслях, а главный из них: «Удалось ли Леше выпроводить Максима?». В очередной раз ловлю себя на том, что несправедливо с моей стороны проблему с бывшим мужем сваливать на его друга, но другого выбора у меня все равно не было.

Последнее, чего мне хочется — знакомить дочку с человеком, который разбил мое сердце и потоптался по моей душе.

Кто-кто, а Оля точно не заслуживает того, чтобы ее влюбили в себя, а потом бросили без сожалений и каких-либо попыток вернуть. Как меня…

Пьяное появление под моей дверью не считается.

То, что Максим отпустил меня вот так легко, сказало мне все обо всем, а главное о его отношении ко мне. В день, когда состоялся наш развод, мое сердце разбилось еще раз, ведь Максим на него даже не пришел — он просто прислал вместо себя адвоката, с какими-то там бумажками и доверенностями.

Поэтому я сейчас и нахожусь в таком раздрае. Увидеть бывшего мужа сегодня перед своей дверью было, мягко говоря, неожиданно. Прошло столько лет. Страшно даже представить, что ему от меня может быть нужно.

Жаль, правду мне не узнать без непосредственного участия Максима в разговоре.

Черт! Нужно все-таки выйти и столкнуться с жестокой реальностью. Хотя очень хотелось бы остаться в детской на вечность. Сидеть на полу перед кроватью дочери и смотреть на нее помогает найти в себе душевное равновесие.

Но нужно решать проблемы и разбираться в произошедшем, сбежать в любом случае не получится. И это осознание заставляет меня подняться на ноги.

Еще пару секунд любуюсь своей малышкой, после чего обреченно вздыхаю, наклоняюсь, поправляю одеялко, целую дочку в щечку и направляюсь к выходу из спальни.

Открываю дверь, практически не задумываясь о том, что делаю. Иначе боюсь, струсила бы.

Сразу замечаю, что на кухне горит свет. Набрав полные легкие воздуха, на ватных ногах плетусь туда. Застываю на пороге, потому что понимаю — Максим не ушел, как я надеялась. Наоборот, они с Лешей сидят и пьют кофе или, может быть, чай за столом, установленным рядом с окном.

Как только я появляюсь в поле видимости, оба мужчины поворачивают ко мне головы, а Леша вообще подрывается с места. Немного чая из его кружки, которую он с грохотом ставит, выплескивается на стол. Но мужчина не обращает на это никакого внимания. Он во мгновение ока преодолевает разделяющее нас расстояние, останавливается напротив, загораживая меня от тяжелого взгляда бывшего мужа, которым тот одаривает меня.

— Как Оля? — голос Леши звучит словно из-за стекла.

— Нормально, спит, — отвечаю на автомате. Желание выглянуть из-за плеча мужчины почти непреодолимо, но вместо этого я концентрируюсь на его лице.

— Что происходит? — задаю волнующий меня вопрос.

Мольба правильно понять появляется в глазах Леши чуть раньше, чем раздаются слова, вгоняющие меня в еще больший ступор:

— Я рассказал Максиму, что Оля наша с тобой дочь, но он не верит. Хочет, чтобы ты подтвердила ему лично, что я не вру. Покажем ему свидетельство о рождении малышки?

Глава 15

— Эм… можно, — непонимающе смотрю на Лешу, не понимая, чего он добивается.

В голове самый настоящий бардак. Я никак не могу прийти в себя после потрясений, которые мне довелось сегодня пережить. Хотя что-то подсказывает, что еще не все. И как бы я того ни хотела, мне придется пройти через всевозможные тернии, чтобы снова начать жить спокойно.

— Где свидетельство? В гостиной? Вместе с другими документами? — каждое слово друг мужа, скорее всего, уже бывший, произносит четко и громко.

Явно, делает это, чтобы Максим все отчетливо слышал, но мне становится как-то не по себе. Ощущение, что я делаю что-то запретное, не покидает.

Почему мы, как нормальные люди, не можем все просто обсудить и разойтись по своим делам? Зачем нужно обязательно юлить и врать?

Ответ на этот вопрос приходит сразу же: иначе Максим не отпустит. Если он до сих пор не ушел, значит, ему что-то от меня нужно. И это вгоняет чуть ли не в панику. Ведь даже несмотря на то, что я ничего такого не сделала, все равно чувствую себя преступницей. Или хотя бы обманщицей.

Поэтому вместо того, чтобы попросить Лешу прекратить его игру, медленно киваю, а потом произношу вслух:

— Д-да.

Не знаю, в чем именно заключается план мужчины, но судя по его удовлетворенному взгляду, тот у него точно есть. Поэтому приходится довериться Леше и отойти в сторону, когда он ободряюще мне улыбается и делает шаг вперед, покидая кухню.

Мы с Максимом остаемся наедине, и это нервирует еще больше. Переминаюсь с ноги на ногу, стараюсь не смотреть на бывшего мужа. Но его взгляд на себе ощущаю до невозможности сильно. Он скользит по мне. Исследует. Такое чувство, что хочет пробраться в самые дальние уголки моей души. Не знаю, получается ли у него. Но это и неважно. В любом случае, он не найдет там ничего, кроме ошметков меня настоящей.

Скорее всего, проходит несколько секунд в тишине, а я уже хочу ее чем-нибудь заполнить. Мышцы напрягаются до предела, нервные окончания гудят. Вдобавок еще и в ушах начинает звенеть.

Чувствую себя так, словно стою на углях, в которые кто-то хочет плеснуть бензина. Наверное, поэтому не сразу разбираю вопрос мужа, который кажется как минимум странным:

— Вы живете вместе?

— Нет, — правду выдаю на автомате и едва не бью себя по лбу из-за форменной глупости.

Я же не знаю, в чем именно заключается план Леши, а своим ответом могла загубить его разом. Пока мысленно себя ругаю, бывший муж все так же наблюдает за мной, стоящей на пороге.

«Когда это я стала чувствовать себя чужой в своей же квартире?» — пронзает меня вполне резонная мысль.

Злость на себя вспыхивает следом, и я, набирая полные легкие воздуха и глубоко вздыхая, делаю шаг вперед, а потом еще один и еще. Вздергиваю голову, чтобы казаться увереннее. Даже в глаза Максиму заглядываю, который откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди, при этом смотрит на меня так, словно он хозяин не только положения, но и жилплощади, которую сам без споров оставил мне после развода.

Его наглости можно позавидовать. И она меня бесит основательно. Возникает непреодолимое желание подлететь к бывшему мужу и выставить его к черту. Я уже почти решаюсь на

сие действо, но застываю, ведь Максим бросает в меня очередной словесный камень, который едва не сбивает меня с ног:

— Странно, — тянет он, не сводя с меня проникновенного взгляда. — Если Леша отец твоего ребенка, жили бы тогда с ним вместе. Чего по разным квартирам скитаться? — подозрительно щурится. Но уже через мгновение его глаза широко распахиваются. — Стой. Неужели ты умудрилась еще одного нормального мужика от себя отпугнуть?

Глава 16

— Нормального мужика? — выдавливаю из себя сиплые слова. Растерянность всего на мгновение овладевает моим телом, а в следующее — разум заполняет знакомая красная пелена. — Это тебя что ли? — складываю руки на груди.

Внутри разгорается самый настоящий пожар. Если до этого я хоть как-то пыталась себя сдерживать, то сейчас все стопы просто пропадают.

Мне надоело! Все надоело! Больше не позволю себя унижать. Тем более, я Максиму ничего не сделала. Не говоря уже о том, что муж находится на моей территории и смеет вести себя, как король.

— А что я по-твоему не нормальный мужик? — Максим, похоже, решил окончательно сорвать весь мой самоконтроль.

И ему удается, потому что я вмиг сокращаю расстояние между нами. Останавливаюсь на противоположной стороне стола, упираюсь в него ладонями и нависаю над ним. Вперивaю полный гнева взгляд в бывшего мужа, прежде чем задаю главный вопрос, который нужно было задать еще в самом начале:

— Зачем ты явился?

Максим криво усмехается, когда понимает, что я меняю тему. Но мне плевать. Единственное, чего я сейчас хочу, чтобы бывший муж убрался подальше. И если для этого потребуется вызвать правоохранительные органы, меня ничего не остановит. Вот только не хочется пугать малышку еще больше, поэтому я пытаюсь решить все… полюбовно. Но в последний раз.

— Мне нельзя приехать в гости к собственной жене? — Максим выгибает бровь, в его глазах пляшут смешинки.

Да он издевается!

— Я больше не твоя жена, — цежу сквозь стиснутые зубы, пальцы с такой силой вдавливаю в столешницу, что те белеют и ноют. — У тебя скоро будет новая жена, к ней и поезжай в гости, меня в покое оставь, — каждое слово наполняю силой, которая только у меня осталась.

Вот только нужного эффекта все равно не добиваюсь, потому что вместо того, чтобы убраться к своей Ангелиночке, бывший муж выгибает бровь и самодовольно ухмыляется:

— Ревнуешь?

Давлюсь воздухом от такой наглости.

Закашливаюсь.

Мне требуется несколько секунд, чтобы прийти в норму, а в следующую — отталкиваюсь от стола.

— Убирайся! — чеканю, указывая рукой на дверь. — Убирайся из моей квартиры, пока я полицию не вызвала. Или чего похуже. Не доводи до греха, — меня буквально трясет от злости.

Не понимаю, что со мной. Если честно, не хочу понимать. Единственное мое желание избавиться от бывшего мужа. Из глаз долой, из сердца вон. Вроде бы так говорят?

Но, похоже, этому козлу все нипочем. Даже несмотря на то, что он вальяжно и супермедленно поднимается на ноги, у меня складывается ощущение, что Максим не собирается уходить.

И интуиция не подводит — бывший муж, вместо того, чтобы отправиться в сторону выхода, надвигается на меня. Намеренно стою на месте, хотя все внутри кричит, чтобы я бежала. Желательно, без оглядки.

Но вздернутый подбородок не помогает остановить Максима, он все равно подходит так близко, как только может. Мне даже приходится запрокинуть голову, чтобы заглянуть ему в глаза.

Каждая мышца в моем теле натягивается. В ушах шумит. Нервные окончания гудят.

Я настолько напряжена, что прямо стоять толком не могу. Вот только и сдвинуться с места тоже не получается. Такое чувство, что Максим пригвоздил меня к полу одним взглядом, а в следующий момент едва не сбил с ног парой слов:

— Никуда не пойду, пока ты не дашь ответ на заданный мною вопрос.

— Какой именно? — мысли путаются, тело в огне.

Злой блеск вспыхивает в глазах Максима. Он поднимает руку и кончиками пальцев касается моей скулы. Так нежно, что мурашки бегут по позвоночнику. Но уже в следующий миг Максим грубо хватает меня за подбородок и силой заставляет смотреть на себя, когда в очередной раз оскорбляет:

— Когда ты успела раздвинуть перед Лешей ноги? Во время нашего брака или после?

Всего миг неподвижности и попытки переварить очередное оскорбление приводит к тому, что я машинально хватаю кружку кофе со стола и выплескиваю все еще теплую жидкость мужу в лицо.

Попадаю на себя тоже, но это и неважно. Главное, что цели я своей достигаю.

Максим отшатывается, отпускает меня, пытается стряхнуть с себя влагу, пока та не впиталась в пиджак. Но быстро бросает это гиблое дело и яростно смотрит на меня.

— Знаешь, а я ведь пришел, чтобы извиняться, — стискивает кулаки. — Подумал, после нашей последней встречи тебе должно быть плохо. Но даже представить себе не мог, что ты найдешь утешения в объятиях моего лучшего друга, — его слова жалят. Так больно жалят, что дышать становится нереально. Не сомневаюсь, что Максим видит, какую боль мне причиняет, но на этом не останавливается. Он решает меня добить окончательно. — После гибели нашего малыша Леша тебя тоже утешал? Поэтому ты меня отталкивала?

Глава 17

Всего секунду стою неподвижно, а в следующую — замахиваюсь.

Лишь спустя мгновение понимаю, что собираюсь зарядить мужу пощечину. Жаль, что сделать этого не получится — Максим перехватывает мою руку. До боли сжимает запястье. Поджимает губы. Сужает глаза.

Миг, и я оказываюсь прижата к его влажной от кофе груди. А из меня вышибает весь воздух от столь грубого столкновения.

— Чего ты так взбесилась? — одной рукой Максим еще сильнее стискивает мое запястье, так что даже отнимается, вторую — оборачивает вокруг талии, крепче вдавливая меня в свое тело, не давая мне отодвинуться, хотя я всеми силами стараюсь это сделать — упираясь одной рукой в грудь бывшего мужа, а пятками в пол.

— Пусти меня, — шиплю, словно дикая кошка.

Вырываюсь, как могу. Даже бьюногой по голени Максима. Кость ударяется о кость. Взвизгиваю, ощущая вспышку боли, пронзившую не только мою ногу, но и тело. Втягиваю воздух сквозь стиснутые зубы. Прыгаю на одной ноге. Не могу толком дышать, пока не останется только небольшое жжение и ноющая боль. Лишь после этого становлюсь твердо на землю и заглядываю в лицо Максиму и понимаю…

Этому козлу все нипочем!

Он просто стоит и наблюдает за моей болью. Наслаждается ей. А когда она немного ослабевает, наносит мне еще один удар, и неважно, что он словесный:

— Успокоилась? — выгибает бровь, снисходительно глядя на меня. — Сколько раз тебе повторять, что твоя вспыльчивость никогда ни к чему хорошему не приводит? — отчитывает он меня, словно маленькую девочку.

Чего только стоит сдержаться, а не предпринять еще одну попытку врезать на этот раз по самодовольной физиономии бывшего муженька. Лишь ноющая нога сдерживает меня от очередного необдуманного поступка.

— Отпусти, — произношу вроде бы спокойно, но все равно улавливаю злые нотки в своем голосе.

От Максима они тоже не ускользают. Смешинки вспыхивают в его глазах.

— А если нет, что ты сделаешь? — бывший муж явно наслаждается тем фактом, что я нахожусь у него в руках и в его власти. Да, Максим сильнее, и мы оба это понимаем. Из-за чего мне становится еще противнее.

— Тебе мало той ненависти, которую я к тебе испытываю? — выплевываю мужу прямо в лицо, чувствуя, как кровь начинает еще сильнее бурлить в венах.

Жар, который исходит от тела Максима, передается и мне. Просачивается под кожу через места нашего соприкосновения. Одежда ему не помеха. Меня начинает еще сильнее трясти. Сердце колотится где-то в районе горла, в висках стучит. Вот только взгляда от бывшего мужа я не отвожу, хотя до жути хочется. Мне тяжело смотреть Максиму в глаза — слишком много чувств он вызывает, и неважно, что они все негативные, мне все равно это ой как не нравится. Ведь прошло три года, и я не должна испытывать к бывшему мужу ровным счетом ничего.

Наверное, тот факт, что мы с Максимом не объяснялись напоследок, не дает нам обоим покоя.

И это объяснение кажется вполне правдоподобным, раз бывший муж вместо того, чтобы меня отпустить — выдыхает мне прямо в губы:

— Ненавидишь меня, значит? — его голос хриплый, дыхание горячее.

Меня обдает волной жара, колени подгибаются. Не понимаю, что именно так действует на меня. И не хочу понимать. Все равно не собираюсь поддаваться чувствам. Вместо них нахожу в себе силы, чтобы громко и четко произнести:

— Да, ненавижу.

В серо-зеленых глазах Максима мелькает: то ли вызов, то ли предвкушение. Неважно. Одно могу сказать точно — бывшего мужа не отпугнул мой ответ, ведь я замечаю, как приподнимаются уголки его губ, когда он проникновенно и хрипло шепчет:

— Ну давай проверим, как ты на самом деле меня ненавидишь.

Хмурюсь, не понимая, что Максим имеет в виду, ровно до того момента, пока бывший муж не набрасывается на меня… в поцелуе.

Глава 18

Застываю.

Прирастаю к полу.

Мозг отключается, а вместе с ним и возможность нормально соображать.

Складывается впечатление, что Максим в этот самый момент высасывает душу из моего тела и бередит все чувства, которые у меня только остались. Кроме душевной боли, не чувствую ничего… ничего.

Радует только одно — мой ступор не длится долго.

Миг, и я изо всей силы толкаю бывшего мужа в грудь.

Максим, явно, не ожидавший такой подставы, покачивается и ослабляет хватку. Мне же секундной передышки хватает, чтобы выбраться из рук Максима и сделать шаг назад. И еще один, просто на всякий случай.

Быстрым рваным движением вытираю губы тыльной стороной ладони, хотя хочется промыть их с мылом… как и весь рот. Даже несмотря на то, что Максим не успел забраться в него языком. Но от одной мысли об этом тошнота подкатывает к горлу, а желудок сжимается в тугом спазме. Еще немного, и меня вырвет прямо на бывшего мужа. От мысли, что что-то подобное все-таки случится, мне мгновенно становится легче.

Вот только стоит увидеть самодовольное выражение Максима, меня снова бросает то в жар, то в холод. Бывший муж смотрит мне в глаза как-то… снисходительно, словно в чем-то точно убедился. И от этого становится совсем не по себе.

— Не смей больше прикасаться ко мне, — шиплю, будто дикая кошка, и очень жалею, что не ношу длинные ноги, а то с удовольствием вцепилась бы ими в лицо бывшего мужа.

— А то что? — специально провоцирует меня Максим, всасывая в себя губы по одной и смакуя их вкус.

Меня начинает трясти еще больше, когда я замечаю, как бывший муж наслаждается процессом и заодно моим унижением.

Всего на секунду теряю дар речи, но этого хватает Максиму, чтобы сделать какие-то выводы.

— Вот именно, ты ничего мне не сделаешь, — засовывает руки в карманы брюк. — Не обольщайся, — хмыкает.

Давлюсь воздухом от такой наглости. Набираю в легкие побольше воздуха, чтобы ответить Максиму, но ничего не выходит — Леша сбивает меня с мысли:

— Черт! Ну у тебя и бардак в документах, — бормочет, запыхавшись, залетая на кухню.

Краем глаза замечаю, как друг мужа застывает на пороге, переводит взгляд с меня на Максима и обратно, после чего строго спрашивает:

— Что произошло?

Максим медленно выгибает бровь, как бы бросая мне вызов и безмолвно говоря: «Ну давай попробуй рассказать ему, посмотрим, что будет дальше». И если честно, на какой-то момент я даже задумываюсь о том, чтобы выложить всю правду, но быстро понимаю, что это ничего не даст. Да и втягивать Лешу в наши разборки с Максимом — последнее, чего мне хочется. Друг мужа и так многое для меня сделал, о большем я просить не смею, поэтому, преодолевая внутреннее сопротивление, выдаю:

— Ничего.

Ухмылка Максима становится шире, а я в голове слышу его насмешливый голос «трусиха». Меня словно волной жара обдает. Удается устоять на месте только благодаря силе воли и голосу Леши, который сбивает меня с толку.

— Точно? — уточняет мужчина.

На этот раз именно Максим не дает мне рассказать правду его другу, опережая меня на долю секунды.

— Показывай, — протягивает руку.

Леша всего мгновение сверлит меня любопытным взглядом, но, видимо, решает попытать меня потом, потому что вместо того, чтобы надавить и все выяснить, подходит к Максиму. Передает тому документы Оленьки, в которых указано, что Леша отец девочки.

Бывший муж быстро по ним пробегается взглядом, а потом как-то подозрительно усмехается.

— Ну допустим, — бросает свидетельство на стол, после чего поднимает на меня внимательный взгляд.

В висках начинает стучать, а в голове гудит. Такое чувство, что Максим ко мне в голову пытается забраться, не меньше. Но вряд ли у него получается, ведь в его глазах не вспыхивает озарение от правды, которую он мог бы узнать.

Бывший муж лишь мгновение подозрительно смотрит на меня, а потом отталкивается от пола. И прежде чем я успеваю сориентироваться, направляется к выходу из кухни. Вот только входную дверь почему-то игнорирует, сворачивая в другую сторону.

Моментально срываюсь с места, вылетаю в коридор вслед за бывшим мужем и облегченно выдыхаю, когда понимаю, что он пошел в ванную, а не в детскую к Оленьке.

Ноги перестают меня держать, и я прислоняюсь к стене, слушая шум воды, которую явно включил Максим, чтобы привести себя в порядок после вылитого на него кофе.

— Что случилось? — рядом словно из-под земли вырастает Леша.

Как ему удается так бесшумно подкрадываться, не представляю.

— Потом, — единственное, что мне удается произнести сквозь сдавленное горло.

И хорошо, что я не стала распинаться, описывая происходящее на кухне, потому что не проходит много времени, прежде чем Максим выходит из ванной и на этот раз направляется к выходу из квартиры.

По пути ему приходится миновать нас, и я ни капли не удивляюсь, когда бывший муж тормозит ненадолго, обращая взор на лучшего друга:

— Завтра в восемь жду тебя у себя в кабинете, — чеканит Максим, после чего переводит на меня прищуренный взгляд. Несколько секунд бесстрастно смотрит мне в глаза, прежде чем на его лице растягивается коварная ухмылка: — Скоро увидимся, Летта, — подмигивает мне. Подмигивает! И только после этого покидает квартиру так, словно чувствует себя здесь хозяином.

Стоит Максиму уйти, не выдерживаю. Соскальзываю по стене и сажусь в своем прекрасном платье прямо на пол. Во второй раз. Прикрываю глаза и тут же в страхе распахиваю их, когда до меня долетают задумчивые слова Леши:

— Хорошо, что он твой паспорт не попросил посмотреть.

Глава 19

— Может, ты не поедешь сегодня на работу? — Леша, который сидит на том же месте, что и Максим вчера, потягивает, скорее всего, остывший кофе и не сводит с меня пристального взгляда.

Он выглядит помятым после сна, а одет мужчина в одежду Максима — серые спортивные штаны и белую футболку. Я их нашла в стирке после того, как муж собрал свои вещи и вывез их из квартиры. Сначала думала выкинуть. Но почему-то не смогла этого сделать. Просто засунула их на верхнюю полку в шкаф и забыла. А вчера, когда попросила Лешу остаться на ночь, потому что не хотела оставаться одна — слишком тяжелый был предыдущий день, вспоминала о них.

Ну хоть где-то пригодилась моя запасливость.

Так я себя успокаиваю.

На самом деле, этим утром я чувствую себя максимально разбитой. И даже тот факт, что Леша находился в соседней комнате всю ночь, не помог мне успокоиться. Я почти не спала. А когда желанная дрема все-таки накрывала меня, я, в итоге, оказывалась совсем не готова к ее тискам. Разыгравшееся и не сдерживаемое разумом воображение то и дело подкидывало мне картинки того, как я то и дело лишалась своей дочери. И забирал ее никто иной, как мой муж. Бывший муж.

Радует только то, что я не просыпалась с криками — не хватало еще Олю разбудить, напугать. Лишь распахивала глаза и смотрела в потолок, пытаясь успокоить разогнавшееся сердцебиение и сбившееся дыхание. С холодным потом, который выступал на лбу, ничего делать не собиралась.

После такой «веселой» ночи неудивительно, что я чувствую себя так, словно по мне самосвал проехался.

— Мама, касю! — Оленька стучит ложкой по столу, сидя все еще в своей пижаме с сердечками перед Лешей.

Дочка играет с пластиковыми приборами и чувствует себя прекрасно. Улыбается во всю. И вызывает улыбку у меня. Вот только сегодня радостное состояние омрачается не только тучами, которые растянулись по небу плотной вуалью, но и нехорошим предчувствием, не дающим мне покоя. Меня знобит, и точно не от холода. Я даже плотнее застегиваю свой плюшевый халат, который натянула на себя после душа, который приняла в попытке почувствовать себя человеком. Вот только он не помогает мне согреться, как и включенная плита, у которой я стою.

— Летт, каша, — напоминает Леша, указывая подбородком на кастрюльку возле меня.

Поворачиваю голову.

— О черт! — Молоко вовсю кипит и вот-вот убежит.

Хватаюсь за металлическую крышку и тут же одергиваю руку, обжигаясь. Шиплю.

— Так, хватит! — Леша оказывается возле меня во мгновение ока.

Снимает кастрюлю с конфорки. Отставляет ее в сторону. Берет мою руку. Включает холодную воду. Подносит мои пальцы под струю.

Все движения мужчины четкие и уверенные. Он берет на себя ответственность так легко, что я невольно задумываюсь, почему не дала нам обоим шанса, хотя возможностей было навалом. Вот только все они оказались успешно мною проигнорированы.

Холод тут же тушит жар на пальцах, который успел проникнуть под кожу. Вот только с горящими щеками ему никак не справиться. С ними мне придется разбираться самостоятельно. Но как мне это сделать, если я даже причину своего стыда не понимаю? То ли дело в моей неуклюжести, то ли в неподобающих мыслях. А может, в чем-то еще?

— Может, ты уже перестанешь переживать из-за Максима? Он ничего тебе не сделает, — Леша не смотрит на меня, но я все равно улавливаю флюиды злости, которые от него исходят.

— Ты же сам знаешь, что он может, если захочет, конечно, — горько усмехаюсь, стараясь подавить дрожь, которая волнами распространяется по телу. — И никто его не остановит, — добавляю отрешенно.

— Я бы остановил! — Леша так резко поворачивается ко мне, что я невольно делаю шаг назад. Мокрые пальцы выскальзывают из руки мужчины и жжение постепенно возвращается. Но оно ничто по сравнению с тем жаром, который распространяется по телу под яростным взглядом друга мужа. — Вот скажи, Летта, какого хрена нам нужно было разводиться? — рычит Леша, а я впервые за много лет вижу его злым. И злится он на меня.

***

Девочки, сегодня у меня действует *скидка*на книгу *“Развод. Ошибка прошлого”.* Если вы вдруг не читали ее, *заглядывайте*обязательно https://litnet.com/shrt/g6nU

Глава 20

В ответ ощетинилась.

— Хватит! — произношу громче, чем хотелось бы.

Краем глаза замечаю, что Оля дергается и внимательно смотрит на нас. Никогда не видела такого осмысленного взгляда у трехлетнего ребенка. Не то чтобы я много встречала детей, но…

— Мама, хотю касю, — дочка отвлекает меня от размышлений и чувства вины.

Не нужно ей видеть наши ссоры с Лешей. Дочка относится к нему, как к родному, хотя и знает, что он не ее папа. По легенде «наш папа» летчик и много времени проводит в небе, а дядю Лешу прислал себе на замену.

Неважно, что написано в свидетельстве о рождении. Я-то знаю правду. И какой бы болезненной она ни была, но заключается в том, что отец моей дочери вовсе не Леша.

Черт бы побрал эту мою запутанную историю. Если сама через все не прошла, не поверила бы, что такое случается в реальной жизни. Но судьба бывает еще той злодейкой и часто подкидывает нам сюрпризы. Вот и мне достался «подарочек», из-за чего потрепалось немало моих нервов, хорошо еще седые волосы не появились.

Да, все закончилось благополучно — теперь у меня есть Оля. А она точно стоила всех испытаний, которые пришлось пройти.

Хотя… возможно, все еще и не закончилось.

— Летт… — Леша дотрагивается до моего плеча, привлекая мое внимание.

Бросаю на него предупреждающий взгляд и отвожу руку в сторону.

— Мы с тобой вроде бы все обсудили и не раз. При этом оба пришли к выводу, что развод в нашем случае — это самое правильное решение. Я тебе благодарна за все, что ты для меня сделал, но еще больше обременять тебя не собираюсь, — произношу грубее, чем хотелось бы. Прикрываю глаза. Вдох, выдох. Отворачиваюсь к плите. — Правда, давай не будем, — говорю уже спокойнее, параллельно перекладывая кашу из кастрюли в глубокую желтую тарелку. Тоже пластиковую. — Мне сейчас только разборок с тобой не хватало, — ком стоит в горле, и как бы я ни пыталась сглотнуть, его не получается.

Стоит только подумать о том, что в итоге придется снова столкнуться с Максимом, меня начинает мутить. Понимаю, что моя реакция чрезмерна, но не могу ничего с собой поделать.

Вот зачем бывшему мужу нужно было возвращаться в Москву и в мою жизнь, в частности? Три года я жила без него спокойно. Нет же, явился с беременной любовницей. И перевернул мою жизнь с ног на голову.

Черт. Теперь придется ходить и переживать. Пробовать догадаться, что взбредет в голову бывшему мужу и в какой именно момент он выпрыгнет из-за угла.

Я утрирую, конечно.

Но зная Максима, если он что-то там себе надумал, то не остановится, пока не добьется желаемого.

А меня он точно не собирается оставлять в покое, о чем повторял неоднократно.

— Ладно, — сдается Леша. Несколько секунд на кухне царит тишина, но когда я разворачиваюсь к Оле, собираясь накормить дочку желаемой кашей, даже шага ступить не успеваю, как друг мужа преграждает мне путь.

— Послушай, я вчера был абсолютно серьезен, когда предлагал нам с тобой попробовать быть вместе… — Всеми силами стараюсь не закатить глаза. Но, видимо, недовольство, которое чуть ли не волнами исходит от меня, не останавливает мужчину. Ведь он продолжает. — Я так понимаю, что ты на работу сегодня все равно пойдешь. Давай после этого сходим на свидание. Как насчет ресторана? Я выберу тот, где есть хорошее детское меню, — нежная улыбка касается губ Леши.

Мое сердце на этом, по идее, должно было бы растаять, ведь я знаю, что друг любит мою дочку как свою, но нет. Я только еще больше раздражаюсь.

Да, Леша, даже несмотря на наш «развод», помогает мне с малышкой. В какой-то момент он примерил на себя роль приемного отца и, похоже, не собирается от нее отказываться. А я… ну что сказать, всегда приятно, когда есть на кого положиться. Вот только своего мнения я так и не поменяла. Если бы Леша действительно хотел бы со мной построить отношения, то сделал бы это до появления Жени. А не сейчас… чтобы утереть нос лучшему другу, который увел у него любимую женщину.

— Зачем, Леш? Вот зачем? — как же мне претит снова обо всем этом говорить. Но, похоже, все-таки придется в очередной раз озвучить свою позицию. — Я ведь знаю, что если бы эти двое не появились и не собрались пожениться, то мы бы с тобой так и остались друзьями. А мстить кому-то или что-то им доказывать, если честно, мне совсем не хочется. Поэтому мой ответ будет однозначным: «нет», — пытаюсь обойти Лешу, но он не дает мне приблизиться к дочери, выставляя руку в сторону.

Поднимаю голову, собираюсь жестче отшить друга мужа, но встречаюсь с его ошарашенными глазами.

— Они женятся? — едва слышно спрашивает Леша, одновременно повергая меня в шок и доказывая, что я приняла верное решение.

Глава 21

— Ты не знал? — склоняю голову набок и не могу поверить, что попадаю в точку.

Как такое может быть, что Леша мог не знать о беременности Ангелины? Он же лучший друг Максима. Не знаю, общаются ли они с Ангелиной. Но с моим бывшим мужем Леша точно связь поддерживал. Даже периодически летал в Париж. Говорил, что по делам — «нужно было решить рабочие вопросы», но я сомневалась, что только этим их встречи ограничивались. Именно поэтому и ощущаю крайнее удивление, ведь, судя по всему, Леша действительно оказался в неведении. Он даже побледнел, а его глаза расширились. Не говоря уже о том, что мужчина выглядит сейчас так, словно его по голове чем-то тяжелым стукнули.

— Н-нет, — кое-как выдавливает из себя Леша.

Хоть он и смотрит на меня, но мне все равно кажется, что его взгляд пронзает насквозь. Нет. Не причиняет боли. Наоборот, я его совсем не ощущаю. Складывается впечатление, что он проходит через меня. Похоже, Леша так сильно погрузился в себя, что не замечает ничего вокруг.

Даже спокойно меня к дочери пропускает, хотя до этого и шага не давал ступить. Не проходит много времени, прежде чем я сажусь напротив дочери, зачерпываю немного каши, дую на нее, чтобы обстудить, и сую ей в ротик. Оля, причмокивая, забирает «лакомство» и с упоением жует. Выглядит при этом такой довольной, что я не могу сдержать улыбку.

— Только не говори, что еще ты не знал о беременности Ангелины? — бросаю короткий взгляд на Лешу, который все так же стоит не шевелясь. Похоже, в статую превратился. Но стоит моим словам дойти до него, он резко крутится на пятках и вперивает в меня шокированный взгляд.

— Что ты сказала? — спрашивает Леша будто не своим голосом.

Выглядит при этом настолько потерянно, что мне даже жаль его становится.

Видимо, чувства к Ангелине никуда не делись. И я была права — в моей персоне мужчина ищет лишь замену той, которой принадлежит его сердце и которая никогда не обратит на него внимания. На самом деле, не понимаю, кому хуже: мне, кому изменил любимый человек, или Леше, который никогда не чувствовал любви со стороны желаемой всей душой женщины.

Но смягчать реальность для мужчины я не собираюсь. Ему давно пора отпустить свою «первую» любовь. Иначе он так и будет страдать по недостойной девушке до конца его дней. Именно поэтому безжалостно произношу:

— Я сказала, что Ангелина беременна, — при этом на мужчину больше не смотрю. Продолжаю как ни в чем не бывало кормить дочку, которая с огромным удовольствием уплетает кашу.

Можно было бы, конечно, позволить ей самой повозиться, но времени не так много, нужно срочно ехать на работу. Катя, конечно, откроет лавку, но сегодня обещали привезти картину на реставрацию и мне нужно срочно ее проверить, чтобы оценить фронт работ.

— Откуда ты знаешь? — не дает мне покоя Леша. — Сомневаюсь, что Ангелина сама сказала тебе о своем положении.

— У нее такой огромный живот, что он говорит за нее, — скрываю за сарказмом вспыхнувшую злость. Ведь я с легкостью считываю подтекст в словах мужчины — он считает, что я вру. И это бесит до безумия. — Нет, конечно, она могла разжиреть…

Договорить мне не удается, Леша меня прерывает:

— Мне пора, — заявляет непоколебимо, и прежде чем я успеваю хоть как-то сориентироваться, поспешно ретируется из кухни.

Пару долгих минут, пока я кормлю дочку, стоит тишина. Но в итоге она нарушается громким хлопком двери. Леша даже не соизволил попрощаться.

— Вот так и заканчивается «любовь», — бормочу слащавым голосом, скармливая последние ложки каши Оле. Она жует и так внимательно смотрит на меня, словно действительно понимает, что я ей пытаюсь объяснить. А вдруг действительно понимает? Тогда нужно предупредить малышку о жизненной ловушке, в которую ей желательно никогда не попадать. — Никогда не соглашайся на отношения с мужчиной, чье сердце принадлежит другой. Он принесет тебе только страдания, — мой серьезный тон сменяется подмигиванием, и дочка широко улыбается, а потом вообще заливается звонким смехом.

Мое сердце пронзает волна нежности, и я со спокойной душой скармливаю малышке остатки каши. После чего ставлю тарелку в раковину, заливаю ее водой. Помыть решаю вечером, а на свой завтрак вовсе забиваю — пока мы с Лешей выясняли отношения, я потеряла драгоценные минуты, которые могла бы потратить на себя.

— Иди ко мне, — протягиваю руки Оле, и она тут же следует моему примеру, позволяя взять ее. — Будешь хорошей девочкой? Не станешь капризничать, пока мы будем одеваться? Мамочка очень спешит, — улыбаюсь при каждом слове, пока несу дочку в ванную, чтобы умыть ее и себя. Бросаю взгляд на часы, висящие в коридоре, и ускоряюсь. — Мы о-о-очь опаздываем.

Залетаю в ванную, щелкаю выключателем и едва не лечу носом в пол, потому что Оля требовательно взвизгивает:

— Едем к папе!

Глава 22

Не знаю, с чего Оля решила, что Максим ее папа. Но я всеми силами старалась отвлечь ее от того, чтобы она продолжила повторять свою то ли просьбу, то ли требование раз за разом. Дочка решила, что ей надо поехать к папе, на этом точка. И остановить малышку оказалось не так просто. Она прожужжала мне все уши Максимом. Мне потребовалась вся моя сила воли, чтобы не начать кричать на нее. Благо, моя лавка, как я ее называю, а на самом деле, это антикварный магазин, находится не так далеко от дома, и Оля обожает в ней находиться, все рассматривать, любоваться своим отражением в старинных зеркалах. Поэтому стоит дочке заметить свое любимое место в городе, она резко переключается и начинает ерзать на детском сидении автомобиля.

Я же получаю шанс выдохнуть.

Пока паркуюсь и вытаскиваю малышку из машины, Оля уже изводится от нетерпения. Поэтому даже не хочет «кататься на руках». В своем розовом спортивном костюмчике, который она сама вытащила из шкафа, бежит к двери, пока я плетусь следом за ней.

По сравнению с яркой дочкой я выгляжу как принцесса ночи в черных штанах-палаццо и такого же цвета бомбере. Особенно это заметно, когда я догоняю малышку и вижу наше отражение на черном матовом стекле, которое встроено в дверь. Выгляжу так, как будто на похороны собралась. Ей богу. Но переодеваться нет смысла. Поэтому только тяжело вздыхаю и распахиваю дверь. Звон колокольчиков дополняет шум улицы, состоящий из гула голосов, шума машин и других разных громких звуков.

Оленька тут же протискивается между моих ног и несется к Кате.

То, как дочке полюбилась моя помощница, которую пришлось нанять в самый сложный период моей жизни — нет, не во время развода, а после потери первого малыша, — не передать словами.

Катя прекрасная девушка. Она чем-то напоминает библиотекаршу с ее любовью к мешковатым костюмам и косам, в которые она каждый день заплетает свои шикарные светлые волосы. И да, конечно же, она не забывает носить очки.

Я пару раз предлагала девушке поработать над ее образом, уверена, из Кати получилась бы шикарная блондинка, но та сопротивляется. Видимо, ей нравится «прятаться» за невзрачным внешним видом. А если человеку комфортно, то я точно вмешиваться не буду.

— Катья-я-я! — звонко кричит Оленька, забегая за прилавок.

Я перестаю ее видеть, но что-то подсказывает мне, малышка вцепляется Кате в ноги. Не зря же девушка пошатнулась.

Улыбка сама по себе растягивается на моих губах, когда я вижу, как Катя подхватывает малышку на руки. Одной рукой держит ее под попу, а второй — щекочет по носику.

— Ну привет, — широко улыбается. — Как у тебя дела?

— Мы поедем к папе! — выдает Оля, из-за чего мое сердце пропускает удар.

Катя же переводит на меня удивленный взгляд. Девушка одна из немногих людей, кто знает мою историю, и через что мне пришлось пройти, чтобы Оля была со мной. Поэтому неудивительно, что ее брови взлетают, а в глазах появляется вопрос.

— Потом, — произношу одними губами и качаю головой.

Катя подозрительно щурится, но в итоге кивает.

— Тебе тут посылку доставили, — указывает подбородком на стену около прилавка, где висит несколько картин. — Я приняла, но не трогала. Знаю, что ты этого не любишь, — уголки ее губ приподнимаются.

Конечно, не люблю. Экспонаты, которые мне доставляют, часто хрупкие и ветхие. Я делаю все возможное с моей стороны, чтобы уменьшить риск для них.

— Спасибо, — посылаю девушке ответную улыбку, после чего наконец захожу в лавку, а то все это время стояла на пороге, и окидываю пространство придирчивым взглядом.

Лавка, как всегда, встречает меня теплым полумраком, пропитанным знакомыми ароматами — воска для дерева, старой бумаги и едва уловимой горчинки лака, которым я покрываю отреставрированные рамы. Утренний свет, пробиваясь сквозь витражи, которые дед когда-то собрал по кусочкам, рассыпается по полу золотыми бликами. Я машинально смахиваю пыль с резной консоли — вчера не доделала, — и в воздухе снова начинают кружиться знакомые пылинки, танцующие в солнечных лучах.

Мои пальцы сами тянутся поправить чуть покосившуюся фарфоровую пастушку на полке — вчерашний клиент чуть не задел ее сумкой. Вот здесь, под стеклом, лежат мои последние работы: миниатюрный портрет эпохи рококо, чью раму я восстанавливала три недели, и пара серебряных подсвечников, которые пришлось буквально собирать по частям. В углу тикают дедушкины ходики — я до сих пор сама завожу их каждое утро, хотя мастер говорил, что механизм безнадежен.

Медленно провожу взглядом по полкам, и лавка будто оживает под моим пристальным вниманием. Вот в углу, под стеклянным колпаком, стоит дедушкина любимая бронзовая чернильница в виде совы — ее левое крыло я так и не смогла идеально выровнять после того, как ее уронили. Рядом, на полке с фарфором, притаился крошечный пастушок с треснувшей флейтой — завтра возьмусь за него, уже приготовила японский клей для фарфора.

Под стеклом на прилавке на бархатной подушке разложены винтажные броши. Одна из них — серебряная стрекоза с подпалиной на крыле — ждет, когда я найду нужный оттенок эмали. Над ними висит зеркало в раме из черненого серебра, и я ловлю свое отражение — в волосах опять пылинки, будто сама превратилась в один из экспонатов.

Пол в лавке — это отдельный мир, где каждый предмет будто случайно упал, да так и остался, обжился. Возле входа примостился массивный сундук с коваными уголками — дед хранил в нем старые гравюры, а теперь там лежат мои запасы пергамента и дубовых дощечек для реставрации переплетов. Крышка чуть перекошена — тот самый угол, который я все собираюсь подбить, но руки не доходят.

Рядом, подпирая стеллаж с фарфором, стоит черный чемоданчик с потрескавшейся кожей — моя «скорая помощь» для выездов к клиентам. Из-под него выглядывает уголок ковра с вытертым узором — того самого, на котором я в детстве раскладывала деду старинные монеты для каталогизации. Теперь он весь в пятнах от лаков и красок, но выбросить его — все равно что стереть часть нашей истории.

У дальнего окна, где свет особенно хорош по утрам, притулился низенький столик на гнутых ножках — его кривизна всегда раздражала деда. «Вот помрешь, — ворчал он, — первым делом выровняю тебя». Не выровнял. Теперь на нем стоит корзина с клубками позументной тесьмы и кистями для багетов — вечный «проект на потом». Под столиком притаился ящик с осколками стекла от рам — самые красивые я собираюсь когда-нибудь пустить на витражи.

Возле моей рабочей зоны, расположенной за приоткрытой дверью в конце помещения, валяется плюшевый пуфик, когда-то благородного бордового цвета, а теперь покрытый пятнами от морилки.

А еще... ах да, тот самый угол за кассой, где стоит дедушкино кресло с потертой кожей. Рядом — опрокинутая корзина, из которой выглядывают рулоны старых карт. На полу перед креслом — глубокая царапина от того дня, когда мы с дедом тащили туда дубовый шкаф. Он тогда сказал: «Царапина — как морщина, только у пола. Придает характер».

Все пространство наполнено особой успокаивающей атмосферой, которая переносит словно в другой мир.

— Ну что, чай будешь? — Катя спрашивает у Оли, пока я ловлю дзен.

Дочка тут же визжит:

— Будю!

Пока я стою и улыбаюсь совсем как дурочка, эти двое заходят в помещение для персонала, расположенное в отдалении за прилавком, и до меня доносится щелчок чайника.

Позволяю себе понаслаждаться еще немного тем умиротворением, которого мне та-а-ак не хватает. Но работа не ждет, как и мое любопытство, которое подталкивает меня к картине, обернутой крафтовой бумагой, стоящей у стены и мирно ждущей меня.

Вот только я даже шага не успеваю сделать к своему шедевру, как звон колокольчиков меня останавливает. Оглядываюсь через плечо, и едва не роняю челюсть на пол, а в следующую секунду напрягаюсь до предела. Если бы у меня была шерсть на загривке, то она точно встала бы дыбом.

— Я знаю, что Максим вчера был у тебя. Поговорим? — заявляет Ангелина и без разрешения переступает порог моей лавки.

***

Девочки, я знаю, как вы любите скидки— я сегодня подготовила для вас одну) А еще у меня классная новость. Если интересно, обязательно заглядывайте https://litnet.com/shrt/lY2T

Глава 23

Теряю дар речи от такой наглости!

Смотрю на блондинку, которая мало того, что разрушила мою жизнь, так еще и максимально постаралась унизить меня в домике в горах, и не могу вымолвить ни слова.

Бесцеремонности Ангелине, конечно, не занимать. Прийти к женщине, у которой намеренно увела мужа и что-то от нее требовать — это же надо было до такого додуматься! При этом вырядилась же как сущий ангел в белый сарафан с рюшами, поверх которого натянула молочного цвета пиджак. Застегнуть его из-за огромного живота, естественно, не смогла. Или, возможно, не стала этого делать, чтобы задеть меня максимально. Не сказать, а показать: «Вот смотри, я смогу подарить Максиму наследника, не то что ты. Бе-бе-бе».

Господи, какой только бред не выдаст шокированный разум!

Мне требуется несколько секунд, которые показались вечностью, чтобы прийти в себя, а уже в следующий миг — шиплю:

— Убирайся!

Знакомая горячая волна расползается по венам, заставляя меня дрожать от ярости. Приходится впиться ногтями в ладони, чтобы не вцепиться в белоснежные патлы Ангелины, которая посмела переступить порог моей лавки, хотя прекрасно знает, как я ее презираю! И вот ничего внутри у нее не дрогнуло, особенно после вчерашнего? Мало она по мне проехалась? Ангелина задела мои самые глубокие раны, которые по ее милости снова начали кровоточить. И, видимо, явилась она, чтобы добить! Иначе появление девушки у меня на работе невозможно интерпретировать. Это какой стервой надо быть, чтобы вот так беспардонно припереться?

Понимаю, что завожу сама себя, но не могу остановиться!

Воспоминания о происшествии в домике в горах теребят душу. Я прекрасно помню, как эта дрянь стояла на коленях перед моим мужем в комнате, которую я подготовила для наших романтических выходных. Прекрасно помню, как она напялила и таскала мою сорочку. И помню, как унижала меня. Неужели Ангелина думает, что после этого я буду с ней общаться? Особенно на тему моего бывшего мужа? Или считает, что беременность ее спасет от того, чтобы быть оттасканной за волосы? Ну тогда эта сучка еще никогда так не ошибалась!

— И где же твое гостеприимство? — Ангелина нагло выгибает бровь, явно бросая мне вызов. Раз так… Набираю полные легкие воздуха, но ничего не успеваю сказать, как девушка меня опережает:

— Прости, — шепчет, опуская плечи.

От спеси, которая сопровождала девушку всего несколько секунд назад, ничего не остается. Ангелина выглядит словно побитая собака. Почему-то только сейчас замечаю синяки под ее глазами, которые не смогла скрыть даже тонна тоналки. Я даже умудряюсь заметить морщины на лбу и около губ, которых раньше не видела.

Ангелина действительно изменилась и, если честно, выглядит… жалко.

Ярость, которую я испытывала всего несколько секунд назад, немного схлынула, но полностью меня не оставляет. Сочувствовать этой женщине тоже не собираюсь, но бить лежачего не в моих правилах. Вот только переступать через себя тоже не собираюсь.

— Еще раз повторяю, уходи по добру по здорову, пока я охрану не вызвала, и они тебя не вывели насильно, — вру нещадно, нет у меня никакой охраны. Но Ангелина этого не знает, и, судя по яростному блеску, который вспыхнул в ее глазах и тут же погас, верит мне.

Прекрасно…

Разворачиваюсь и направляюсь к прилавку, всем своим видом показывая, что не собираюсь продолжать разговор. Но Ангелина либо не понимает намеков, либо желает оказаться выставленной вон силой, поэтому бросает мне в спину:

— Прошу тебя… нет, умоляю, оставь Максима в покое, — на секунду замолкает. Видит, что добилась желаемого, ведь я приросла к полу от шока. И, видимо, именно этого Ангелина и добивалась, раз продолжает: — Когда он вернулся вчера от тебя, выглядел как пришибленный. И пил полночи. Это ненормально. Так Максим поступает только после встречи с тобой. Пожалуйста, прошу тебя, просто уйди из нашей жизни навсегда. Ты же видишь, у нас все начало налаживаться. У нас скоро малыш будет. Ребенку нужен отец и настоящая семья. Ты же тоже была матерью, хоть и недолго, поэтому должна меня понять!

***

Девочки, у меня СУПЕР-НОВОСТЬ!

СЕГОДНЯ ВЫШЛА МОЯ *НОВИНКА***!#**

ПОСЛЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВА. ТОЛЬКО ДЫШИ!

https://litnet.com/shrt/llKf

— Аврора, что ты здесь делаешь? Ты же должна быть в больнице, — строгий голос Юры врывается в мой шокированный разум.

— Меня… кхм… выписали, — голос сипит, горло дерет. — Я хотела сделать вам с детьми сюрприз, договорилась с врачами, чтобы меня отпустили. Дома ведь и стены лечат... — не могу отвести взгляда от блондинки, сидящей на коленях моего мужа в его рубашке. — Кто это?

— Это? Раиса, — произносит, как само собой разумеющееся. — А ты должна была оставаться в больнице. Тебе последнего приступа не хватило? Хочешь повторения? — черты лица Юры заостряются.

— И кто она тебе? — намеренно игнорирую его причитания.

— Она моя…

— Девушка, — отвечает за мужа его любовница.

Кажется, мое сердце не выдержит такой новости...

!#*ЗАГЛЯДЫВАЙТЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО https://litnet.com/shrt/llKf*

Глава 24

Ангелина поворачивает нож, который всадила мне в сердце еще вчера — по крайней мере так ощущаются ее слова, брошенные мне в спину. Задыхаюсь от боли, которая пронзает меня насквозь.

Дни, проведенные в больнице, минуты с моим малышом, ожидание неизбежного снова всплывают в памяти. Безысходность, которую я испытывала тогда, возвращается с новой силой.

Если бы я могла, то сложилась бы пополам. Каждая клеточка моего тела горит, я чуть ли не в агонии корчусь. Хотя внешне остаюсь абсолютно спокойной, неподвижной.

Знаю, что ничего страшного вроде бы не произошло, но…

Во мне словно выключатель щелкает. Кручусь на пятках. Подлетаю к Ангелине. Замахиваюсь и…

Звон пощечины отражается от стен моей лавки. Ладонь печет. Сердце клокочет в груди.

Я словно в замедленной съемке наблюдаю за тем, как голова Ангелины отлетает в сторону. Девушка хватается за щеку. Бросает на меня полный обиды, ненависти и шока взгляд.

Но меня совсем не трогают эмоции Ангелины, как и тот факт, что красный след от моей руки проявляется на ее щеке.

Ярость клокочет внутри.

— Если еще раз посмеешь упомянуть моего ребенка… — шиплю, совсем как злобная кошка. Если бы у меня была шерсть, то она точно встала бы дыбом на загривке.

Жаль, что договорить не удается, меня прерывает детский визг:

— Мама!

Все внутри холодеет, когда до заполненного гневом разума доносится топот маленьких ножек. Не проходит и пары секунд, как Оля вцепляется мне в ноги.

Ангелина медленно опускает взгляд с меня на малышку, которая жмется ко мне всем тельцем. Останавливается на Оленьке, и ее глаза широко распахиваются.

Тишина, повисшая в лавке, кажется длится вечность. Время тянется. Нервы еще сильнее напрягаются.

Я даже толком не дышу, пока пытаюсь понять, как реагировать и что делать. Такое чувство, что мозг отключается.

Зато начинает работать с удвоенной силой, когда Ангелина отрывается от созерцания моей малышки и шепчет:

— Это твоя?

Материнский инстинкт включается мгновенно. В попытке защитить дочь заталкиваю ее за себя и кричу:

— Кать! Забери Олю, пожалуйста! — дыхание учащается, паника постепенно захватывает разум. Не хватало еще, чтобы эта тварь сглазила мою малышку. С ее-то дрянным языком!

Не проходит и нескольких секунд, как появляется Катя, подхватывает на руки хныкающую Олю и уносит ее. Лишь когда раздается хлопок двери, мне удается более или менее расслабиться. Вот только не проходит и пары секунд, как напрягаюсь снова, ведь Ангелина подозрительно спрашивает:

— Кто ее отец?

— Не твое дело! — выплевываю на автомате.

— Максим? — она сужает глаза. — Ее отец Максим, да? — судорожно соображает. — Так вот почему он вчера пил? Узнал, что у него есть еще один ребенок, так? Твою же… — начинает расхаживать туда-сюда передо мной, — и ты не уберешься из нашей жизни, да?

— Да уберись уже ты из моей жизни! Вали отсюда! — хватаю Ангелину под локоть в попытке остановить ее мельтешение и вытолкнуть вон, но она с силой выдергивает руку из моих пальцев.

Смотрит на меня как на врага народа. Понятия не имею, что происходит у нее в голове, но девушка всего мгновение стоит неподвижно, а потом в ее глазах вспыхивает предвкушение.

— Ну раз ты не хочешь по-хорошему, — вытаскивает из маленькой сумочки, болтающейся на плече, телефон. Набирает какой-то номер. Проходит всего пару секунд, прежде чем на лице Ангелины растягивается самодовольная ухмылка:

— Здравствуйте. Я беременна, а меня тут девушка ударила. У меня даже след на щеке остался, — косится в старинное зеркало, стоящее у стены. — Приезжайте скорее и арестуйте ее, пожалуйста!

Глава 25

Вот зачем я поставила камеру? Зачем?!

Дедушка же то и дело повторял, что современным технологиям не место там, где находится антиквариат. Они несут только вред.

И вот сегодня я по полной ощутила силу их воздействия, навредив... себе же.

Я совсем забыла о камере видеонаблюдения, которую установила довольно давно, просто на всякий случай вместе с охранной сигнализацией. Мало ли, что в лавке могло произойти, ведь мне часто привозят ценности. Не только на реставрацию, но и на продажу.

Так вот, похоже, Ангелина ее сразу приметила и спровоцировала меня. Иначе как все могло сложиться так, что все легло на руку этой стерве, а я теперь сижу в отделении полиции, пытаясь понять, что мне делать дальше?

Хорошо, что Оля осталась с Катей. Вдобавок я успела попросить позвонить Леше. Все-таки он официальный отец моей дочери. И малышка его знает, потому ей с ним будет спокойнее. Но то, как плакала Оля, когда меня уводили «дяди полицейские», нанесло глубокие раны моему сердцу. Ее рыдания до сих пор стоят в ушах, хотя уже давно сижу на жестком стуле.

Мои пальцы впиваются в колени. В небольшом кабинете следователя довольно темно, свет пробивается через пыльные полуприкрытые жалюзи и попадает в комнату сквозь не очень яркие люстры. Вокруг пахнет дезинфекцией и бумагой. На столе передо мной лежит мой телефон — экран затемнен, но я прекрасно помню, что там за запись.

Я не могла ее не предоставить, ведь эта стерва написала в заявлении, что инцидент зафиксирован на камере видеонаблюдения. Поэтому полиция потребовала ее в качестве вещественного доказательства. А пока я ждала официального запроса, пришлось провести немало времени в этом самом кабинете. Да, я уперлась рогом, а еще попросила вызвать мне адвоката, но почему-то его все нет и нет.

Наверное, лучше было бы не сопротивляться и просто пойти на уступки правоохранительным органам, но после сцены, которую Ангелина устроила у меня в лавке, совсем не хочется идти ни у кого на поводу.

Эта дрянь, когда приехала полиция, схватилась за живот и начала истошно кричать, что теряет ребенка и все из-за меня. Ей даже скорую вызвали. А я все, что могла, просто стоять и во все глаза пялиться на сцену, в которой Ангелина «корчится от боли» и причитает, что я во всем виновата.

Не знаю, поверили ли ей полицейские — никто из них так и не прокомментировал ситуацию, но то, что они всячески помогали этой актрисе погорелого театра, вывело меня из себя.

Поэтому я и заняла позицию «мне нужен адвокат и все тут»!

— Виолетта Викторовна, может, все-таки начнете говорить? Вы же понимаете, что делаете себе только хуже? Мы бы уже давно с вами разобрались во всем произошедшем, если бы вы не молчали демонстративно, — темноволосый с легкой сединой в шевелюре следователь перекладывает бумаги из одной стопки в другую, просто чтобы занять руки. Его лицо кажется слишком сильно осунувшимся, а острый взгляд иногда пронзает меня. Мужчине явно не нравится тратить со мной, сохраняющей молчание, свое драгоценное время. Хотя при этом всеми силами пытается казаться расслабленным.

— Я буду говорить только в присутствии адвоката, — повторяю уже заученную мантру, хотя сама устала до безумия. Такое чувство, словно из меня все силы высосали, и я ничего не могу с этим поделать. Даже злиться толком не удается, хотя по первой я то и дело представляла, как, стоит мне выбраться из заточения, найду Ангелину и повыдергиваю ее белоснежные патлы по одной волосинке. Сделаю все, лишь бы нанести ей хотя бы долю того вреда, что и она мне.

— Хорошо, давайте ждать вашего адвоката, — тяжело вздыхает мужчина. Он тоже устал. Не знаю, от моего сопротивления или же дело в его нелегкой работе. — А может, пока он задерживается, просто поговорим по-человечески? — следователь откладывает бумаги в сторону, складывает руки на столешнице, смотрит на меня пристально, пронзительно, словно в душу заглядывает. — Знаете? Я много видел таких, как ваша... Ангелина, — тяжело вздыхает, а я напрягаюсь, прислушиваясь к его словам. — Беременные, с идеальной прической, в дорогой одежде. Они всегда падают чуть красивее, кричат чуть громче. И всегда — совершенно случайно — под камерами.

Желудок сжимается. Горло словно удавкой сдавливает.

— Но вот что интересно: они никогда не доводят дело до суда. Потому что им не нужен суд. Им нужен спектакль, — пожимает плечами.

Дыхание перехватывает. Даже сглотнуть толком не получается.

— Тогда что я здесь делаю? — кое-как удается выдавить из себя.

Сердце гулко бьется в груди, грозит вот-вот из нее выпрыгнуть.

— Раз есть заявление, мы должны его отработать. Тем более ваше дело осложняется доказательствами, — бросает быстрый взгляд на мой телефон, на котором хранятся те самые «доказательства». Господи, о чем я думала, когда била Ангелину по лицу перед камерами? Похоже, в последнее время кто-то там наверху решил знатно надо мной поиздеваться.

— Вы меня отпустите? — спрашиваю, хотя сама не верю в благополучное стечение обстоятельств.

— Конечно, когда придет ваш адвокат и вы дадите показания. Мне очень интересно услышать вашу версию событий, прежде чем решить, что со всем этим делать дальше, — участливо произносит следователь, но что-то в его словах меня настораживает.

Не знаю почему, но интуиция подсказывает, что дружелюбность человека передо мной напускная, и он просто пытается выполнить свою работу. Вот только мне до ужаса надоело сидеть в этой затхлой комнатушке, на неудобном стуле, из-за которого поясницу начинает потягивать. Не говоря уже о том, что я безумно волнуюсь о своей дочурке. Ее разрывающий душу плач все еще стоит в моих ушах.

Если быть уж совсем честной, то я в любой момент сдамся, потому что больше не могу. Уже даже рот открываю, чтобы рассказать всю правду следователю и будь что будет. Но не успеваю ни слова вымолвить, как жуткий грохот сотрясает кабинет.

— Выйдите! — приказной тон бывшего мужа узнаю сразу же. Каждая мышца в моем теле натягивается.

«Что он здесь делает?» — проносится в голове.

— Кто вы такой? — свирепый взгляд следователя переносится за мою спину в то время, как мужчина поднимается на ноги.

— Олег Викторович, идемте, — еще один мужской голос раздается в комнате.

Невольно оглядываюсь через плечо и замечаю еще одного, уже совсем пожилого человека в форме, который маячит за спиной Максима.

«Нет, не оставляйте меня с ним», — хочется прокричать, когда я краем глаза замечаю, что следователь начинает покидать свой же кабинет. Сомневаюсь, что он доволен таким раскладом событий, но ничего предпринять не пытается.

В то время как Максим заходит в кабинет, мужчина выходит в коридор и даже дверь за собой закрывает, оставляя меня наедине с бешеным зверем, иначе не получается описать Максима, у которого на щеках играют желваки, а в глазах полыхает яростный огонь.

— Что ты здесь делаешь? — кое-как выдавливаю из себя, когда немного отхожу от шока и начинаю более или менее соображать.

Сердце бьется в районе горла, мысли то и дело крутятся в голове в попытке понять, что происходит, но я даже никакой вывод сделать не успеваю, как Максим загоняет меня в еще более глубокий шок, зло спрашивая:

— Скажи, Летта, ты решила лишить меня еще одного ребенка?

***

Девочки, на мою книгу *"(Не) прошу тебя, предатель"*сегодня действует *скидка*! Обязательно заглядывайте, если вдруг не читали https://litnet.com/shrt/lbgm

Глава 26

Смотрю на Максима, который стоит перед дверью, засунув руки в карманы брюк, и не отрывает от меня пронизывающего насквозь холодного взгляда. Складывается впечатление, что я, как минимум, предала бывшего мужа. Иначе не объяснить той волны неприязни, которая чуть ли не сносит меня.

В голове крутится миллион вопросов. Начиная с того, как муж здесь оказался, заканчивая тем, что значит его «еще одного».

У меня внутри все натягивается словно тетива. Дышать становится неимоверно трудно. По коже словно табун мурашек бегает.

Атмосфера в кабинете следователя все сильнее накаляется, отчего даже продолжать сидеть на долбанном стуле становится трудно. Меня будто что-то дергает наверх. Какая-то невидимая сила, которой я решаю поддаться. Вот только стоит мне встать, чуть не плюхаюсь обратно, ведь слова Максима едва не сбивают меня с ног.

— Знаешь, я многое могу тебе простить и спустить с рук, даже то, что ты отказалась от «нас». Но ребенка…

В голосе бывшего мужа отчетливо слышатся стальные нотки, из-за которых кожа покрывается ледяными мурашками.

В глазах Максима плещется столько неприязни, что я невольно начинаю верить, что сотворила что-то непоправимое. Судорожно соображаю, что это может быть. Ведь после пощечины Ангелина чувствовала себя вполне нормально. Неужели Максим успел сгонять к ней и купился на ее игру в «невинную жертву, теряющую малыша»? Тогда он полный дурак. Вон даже следователь понял, что Ангелина еще та актриса, которой только и надо, что избавиться от меня.

Во рту пересыхает. Горло жутко дерет.

Но я кое-как собираюсь с силами и спрашиваю:

— Как Ангелина? Я ничего ей такого не сделала, чтобы навредить, — бормочу под нос, прогоняя в голове все происходящее в лавке.

Меня потихоньку начинает потряхивать. Становится жутко холодно. Появляется идея обнять себя, но я даже пошевелиться не могу.

— Тебя действительно сейчас она интересует? — Максим наконец сдвигается с места и медленно, словно хищник, направляется ко мне.

В любой бы другой день я бы приросла к полу, лишь бы не показать своих истинных чувств и сохранить гордость, но сейчас единственное мое желание — сбежать и как можно дальше. Наверное, поэтому начинаю отступать. Вот только далеко уйти мне не удается. Всего через пару шагов врезаюсь бедрами в стол следователя. Тот со скрипом отодвигается.

Зато Максиму хватает моей секундной заминки, чтобы нагнать меня.

На чистых инстинктах бросаюсь в сторону.

Но Максим перехватывает меня за плечо и дергает на себя. Теряю равновесие, впечатываюсь в крепкую грудь бывшего мужа. Но тут же понимаю, что именно произошло, и отталкиваюсь от нее, создавая между нами небольшое расстояние.

— Да что тебе от меня надо?! — кричу, не выдерживая.

Поднимаю глаза и встречаюсь с морозным взглядом бывшего мужа.

— Надо, чтобы ты наконец перестала мне врать! — рявкает Максим, встряхивая меня.

— И в чем я тебе соврала?! — ничего не понимаю и попыток вырваться не предпринимаю. Все равно они окажутся бесполезными. — Если ты мне не веришь, можешь на видео посмотреть, — оглядываюсь в поиске своего телефона на столе. — Вот он! — Я только пощечину Ангелине зарядила, но она это заслужила — сам посмотри, — хватаю свободной рукой

телефон и протягиваю его Максиму. — Ты бы то же самое на моем месте сделал. И пощечина никак не повредила вашему ребенку…

— Да плевать мне на Ангелину! — выплевывает Максим, все сильнее и сильнее сжимая мое плечо. Не сомневаюсь, что на нем следы останутся. Хорошо, хоть боли я сейчас особо не чувствую. Бурлящий в крови адреналин перебивает все.

— Тогда в чем дело?! — начинаю злиться.

— Не понимаешь? — Максим сужает глаза. Мотаю головой, лучшего ответа придумать не смогу. Но и этого бывшему мужу оказывается достаточно, ведь он жестко усмехается, прежде чем огорошить меня окончательно: — Как долго ты собиралась скрывать от меня, что у нас с тобой есть дочь?

Кровь отливает к ногам. Стопы жутко горят в то время, как остальные части тела холодеют.

— Что? — кое-как выдыхаю. Это единственное, на что я сейчас способна.

— Только не надо продолжать мне врать, что отец Оли Леша, — свободной рукой забирается в карман пиджака и вытаскивает оттуда файл с какими-то бумажками и… знакомой зубной щеткой. — Я знаю, что ее настоящий отец — я!

Глава 27

Слова застревают в горле. Мысли превращаются в кашу.

Смотрю на зубную щетку своей дочери, которую не могла найти сегодня утром, и пытаюсь осознать, что вообще могло случиться.

Соображаю туго, поэтому уходит немало времени на то, чтобы осознать:

— Ты украл щетку Оли, — выдыхаю.

Быть этого не может. Быть не может…

Поднимаю взгляд на искаженное яростью Максима и понимаю — может.

Бывший муж действительно украл зубную щетку нашей дочери. И сделал это в тот самый момент, когда ходил в ванную, «чтобы привести себя в порядок после того, как я вылила на него кофе». Если уж быть совсем честной, то это я так решила, что Максим приводит себя в порядок. Он свой поход в ванную в чужом доме никак не объяснил. Но я не мо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.